

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА ВОСТОКА

АЛИШЕР НАВОИ

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА

Издательство ЦК КП Узбекистана
Т а ш к е н т — 1978

Ўз I
Н 15

Редколлегия: Х. С. Сулейманов,
Ш. М. Шамухамедов (*составитель*), Д. Джаб-
баров, Б. С. Пармузин (*редактор*), И. Ш. Ша-
гулямов.

*Великий узбекский поэт-гуманист Алишер
Навои (1441—1501) оставил богатое литера-
турное наследие, в том числе известную кни-
гу поэм „Хамсэ“ („Пятерица“).*

*В этот сборник вошли лирические стихи
поэта.*

Навои Алишер.

Избранная лирика ; А. Навои. Сост.
Ш. Шамухамедов. Ред. Б. Пармузин. Т.,
Изд-во ЦК КП Узбекистана, 1978.
133 с.

Ўз I

Н $\frac{70404-3}{M-357(06)-78}$

©Издательство ЦК КП Узбекистана, 1978.

ГАЗЕЛИ

* * *

О, как пылает грудь моя от многолетних ран,
Как солонь потоки слез и как красны от ран.

Я разлучен с рубином губ, — едва пригубил кубок,
Но вижу, что напиток мой и горек и багрян.

Закрыла пери от меня румяные ланиты,
И посрамлен я, как Меджнун, среди подлунных
стран.

Глупец, обвенчанный с луной, всегда теряет разум,
Блуждает по кругам небес, как звездный караван.

Но животворна для души та лихорадка плоти,
И разоренный догола на пир щедрейший зван.

Народы мира тщетно ждут, что кончатся их беды,
Весь мир в отчаяньи, во зле, — он злейший их
тиран.

О Навои, твои глаза на мир глядят различно,
И двуединый этот взор не для веселья дан.

* * *

Ко мне нагрянула извне беда:
Она ушла. Все в плене. Беда!

— 3 —

Но берегись изведать кто другой,
Какая с ней бывала мне беда.

Бывало, радость, скорбь — наперебой.
Злорадствуй, горе! Смейся! Не беда!

Бывало, в ревности бегу домой,
Но жить без ревности вдвойне беда.

Что твой совет — изгладит образ твой?
Меж нас стена, и в той стене беда.

Но беспокойство лучше, чем покой,
Не знать беды — поистине беда!

О Навои, отрадно быть собой,
Но быть с собой наедине — беда!

* * *

Соловей, лишенный розы, умолкает, не поет;
Попугай, лишенный лакомств, красноречье где
найдет?

Я твоей любви лишился. Словно пламя — каждый
гздох.

Я вздыхаю, опасаясь, чтоб не вспыхнул небосвод.

И за то, что я не плачу, ты не упрекай меня —
Кто давно от скорби умер, разве может плакать тот?
День и ночь молю аллаха — умертви, но не карай!
Лучше потерять мне душу, чем терпеть разлуки
гнет.

Вкруг свечи твоей улыбки ночью вился мотылек,
Он свечи своей лишился в час, когда заря встает.

Навои с тобой в разлуке птицей безголосой был.
Не лишай раба отныне царственных своих щедрот!

* * *

Она груба в сандалях, она в тюрбане груба,
Чтоб убивать влюбленных, она заране груба.

О чем ее ни спросишь, она ответит грубо,
Она, как бы не видя моих стараний, груба.

Кто с этой кровожадной знаком, поймет недуг мой.
Я гибну, а причина моих страданий груба.

В своем саду сегодня я выпил слишком много,
Заснул, но песня ветра в ночном тумане груба.

Когда глава попойки глядит с похмелья грубо,
О кравчий мой, да будет струя в стакане груба.

О Навои, утешься, не злись на современность, —
Она, твоих не стоя святых желаний, груба!

* * *

Прочь от ее очей! — забава ей нужна.
Ведь не любовь моя, а слава ей нужна.

Стрела ее брови терзает грудь мою.
Иль грудь моя — мишень — для стрел-бровей
нужна?

Что скажут небеса про молнии полет?
Глубь сердца для игры ее страстей нужна.

От ангелов и то любовь я утаю,
Ведь тайна чистоте любви моей нужна.

На части рвут меня моих страданий псы,
Нет сил бежать, а им — кровь посвежей нужна.

— 5 —

Шейх, не зови царей в холодную мечеть:
Для пира горница, зари светлей, нужна.

Стыдись, о Навон: кто человек, тому
Подруга-человек среди людей нужна.

* * *

В мой дом, разгорячась, вбежала с вечернею
звездой она,
Испариной омыла розы, как розовой водой, она.

Ресниц разбойничьих кинжалы — похитчики моей
души,
Прядь амбровым жгутом спустила на стан свой
молодой она.

Приют мой темный озаряет солнцеподобный лик ее.
Я на свету дрожу пылинкой, — не луч ли золотой
она?

Взяв за руку меня, смеется, сажает около себя,
Пересыпает слов алмазы, сверкая красотой, она.

И говорит: «Печальный друг мой, как поживаешь
без меня?»
Что я отвечу ей? Скovala язык мой немотой она.

Кувшин с вином она открыла и кубок полный
налила,
Пригубив, молвила с упреком, с лукавой прямоотой
она:

«Скажи, Меджнун, не сновиденье ль, что разума
лишился ты?
Испей вина, открой мне душу, какой живет мечтой
она?»

Я выпил, потерял сознание, к ногам возлюбленной
припал, —
Не хмель сразил меня, — сразила своею добротой
она.

Тому, кто в снящемся свидании, как Навои,
блаженство знал, —
Не спать до воскресенья мертвых: сон сделала
бедой она.

* * *

О, если б красоты твоей не ведал мир и не видал,
О, если бы из-за тебя весь мир в смятенье не
впадал!

Но блеск твоих всемогущих чар посеял смуту на
земле...

О, если бы моим очам он ни на миг не заблистал!

О, если б жертвенным костром не вспыхнул
пламенный твой лик,

О, если бы на том костре я сердце сжечь свое не
дал!

О, если бы, когда меня коснулось бедствие любви,
Я для тебя среди людей существовать бы перестал!

О, если б колдовских не знал я ласк обманчивых
твоих,

И о свидании с тобой безвольным сердцем не
мечтал!

Но этой ласки яд испив, я жажды встреч не утолил.
О, если б черствости твоей я вновь потом не
испытал!

О, если б вероломства бич, которым плещешь ты
меня,
Любовь позорную мою хотя бы насмерть захлестал!
О, если б хоть теперь, когда я так ославлен меж
людьми,
Убил бы я свою любовь и к новой жизни бы
восстал!..
Когда подругою своей ты столь обманут, Навои,
Все эти «если бы», «хотя б» перечислять ты
опоздал!

* * *

Пока озаряла ты сны мои, я знал наслажденье сна,
Но так тосковал наяву, что забыл благое забвенье
сна.
За гранью сознания моя душа — и сну не пленить
ее,
Кто вечным успеньем почил, тому нет и
на мгновенье сна.
Глаза, что взглянули в ее глаза, все обречены не
спать.
О страшное чудо! В смятении мир: исчезло явление
сна!
Я вытравил всю черноту из глаз потоками едких
слез —
И сон их покинул: уютиться во тьме есть
обыкновенье сна.
Чтоб видеть во сне лишь ее одну и чтобы не видеть
других,
Я глаз не хочу открывать, хочу я без пробужденья
сна.

В том нет удивленья, что сна лишен рыдающий
Навои:
Пока хоть одна слезинка в глазах, не жди
наступленья сна!

* * *

Да сгорит мое сердце, другой поклонясь, о царица,
хоть раз!
Но и сердце любое, что страстью к тебе загорится
хоть раз!

Да не знать мне надежды на встречу с кем-либо
другой, не с тобой,
Но свиданьем с тобой да не смеет никто
возгордиться хоть раз!

Восхитясь не твоей, а другой красотой, да лишусь
я очей,
Но ослепни и тот, кто твоей красотой восхитится
хоть раз!

Онемей мой язык, не тебя, а другую хвалой
помянув,
Но и каждый язык, восхвалявший тебя, чаровница,
хоть раз!

И к цветам я ревную тебя. Если б так же обласкан
я был

Шаловливой улыбкой твоей, как нарцисс
бледнолицый, хоть раз!

Речь моей луноликой сверкает столь тонкой
алмазной пылью,
Что мечтает и солнечный луч ей подобно
искриться хоть раз!

Поспеши, нечестивец, отнять мою душу, налей мне
вина, —

Не оно ль, наконец, мне поможет с возлюбленной
слиться хоть раз!

Бесноватым я стал! Не врача, но колдунью зовите
ко мне;

Кто колдунье подвластен, пред лекарем разве
смирится хоть раз?

Ваше сердце, о люди любви, предзакатной подобно
заре:

Хоть ярка — коротка! Не дано ей дожидаться
денницы хоть раз!

Слишком легкой добычей сетей надушенных не
будь, Навои:

Разорви их! Пусть плачет бездушная та озорница
хоть раз!

* * *

Без любимой покоя в сердце, как в стране
бессултанной, нет.

Султанат без султана — тело, где души богоданной
нет.

Но бездушная плоть бесплодна, бесполезна, как та
земля,

На которой ни розы рдяной, ни колонны айванной
нет.

Но земля без цветов, без храмин — словно ночь без
луны, когда

И звезды ни единой в небе, как в ночи
первозданной — нет.

Ночь без проблеска света — словно запредельный,
предвечный мрак,
Тот, когда ни жизни, ни смерти в бездне
пусто-туманной нет.

Мрак, лишенный зачатков жизни и остатков, —
страшней, чем ад,
Где красавицы, девы райской, нам обетованной, нет.
Ад, где не суждено увидеть райской гурии светлый
лик,
Он — похмелье без хмеля, — в этом и утехи
обманной нет.

О недуг Навои, любовью называемый у людей!
Сколько мук от разлук, — лекарства и во встречах
с желанной нет!

* * *

Возлюбленной мир не ведал жестокой такой, как ты;
И где еще врач найдется с такой же душой, как ты?

Признайся, больное сердце, свиданье нужно тебе, —
Кто был наделен в разлуке такою тоской, как ты?

Ведь нет никого на свете в любви скромнее меня,
Красавицы нет на свете надменной такой, как ты.

Когда ты нальешь мне чашу в подвале небытия,
Нет властью подобной Джему царицы земной, как
ты.

О роза, ведь твой румянец с румянцем похмелья
схрж;
И разве нарцисс найдется такой же хмельной, как
ты?

С тех пор как в косах любимой запутан ты, Навои,
Никто не бредет смятенный по жизни земной, как
ты.

* * *

Словно роза этот алый девы молодой халат,
Сжигающий мне сердце, как огонь, сквозной халат.

Весь окрашен кровью птицы, бьющейся в груди
моей,
Облачивший в цвет тюльпана стан ее тугой —
халат.

Опасение убийства, милости грядущий знак —
Алый тот, не мусульманки льющийся волной
халат.

В ночь свиданья опалает крылья каждый мотылек,
Видя на закат похожий в темноте ночной — халат.

Пусть, ведя беседу с розой, не гордится кипарис.
Ветер утра! Эта роза с милым делит свой халат.

Виночерпий! Цвета розы в чашу мне налей вина —
Во дворце не прячет сердца в воздержанья злой
халат.

Навои! Иной не надо розы сердцу-соловью:
Ты прижмешь к груди горячей огневой ее халат.

* * *

Эти губы — точно розы, на которых нежный мед.
Имя сказанное слово радость слышащим несет.

— 12 —

Милой острые ресницы душу ранили мою, —
И об этом, улыбаясь, мне поведал тонкий рот.

Сердце милой привязал я к сердцу нитями души,
Уходи скорее, разум, мне не страшен твой уход.

В доме милой неизвестно, как в разлуке я
томлюсь, —
Что о мрачном аде знает тот, кто там, в раю,
живет!

Плач Меджнуна вверх в безумье и верблюдицу
Лейли,
И араба крепкий повод вряд ли бег такой прервет.

Каждый миг не спотыкайся в кабачке, о пьяный
шейх, —
Ведь тебя его хозяин мудрецом не назовет.

Не печалься, если в сердце только горечь от
людей, —
Своего удела смертный никогда не обойдет.

Навон, перед любимой ты лица не подымай:
Ведь любовь и в униженьи честь и доблесть
обретет.

* * *

Черны, как ночь, твои косы, как тополь, ты вся
стройна,
И лик твой звезде подобен, которая так ясна.

В тоске по тебе до неба вознес я мольбу, господь!
Ужели моя молитва не будет тебе слышна?

И губы твои — не диво ль? — как пламя среди
воды;
В том пламени капля пота — как странно горит она!
Мечта о ней в грустном сердце, и мне оттого
печаль,
В душе у ней столько ласки, моя же душа грустна.
Твой пес да сожрет мое сердце, порвав его на
куски, —
Сама себя на терзанье отдать душа не должна.
Чего б ни дала судьба мне — пей чашу! Ей все
равно,
Осудишь меня ты гневно иль будешь со мной
нежна.

Живи, Навои! Ведь если б она не звала тебя,
Стремления к ней и горя душа не была б полна!

* * *

Будь со мной! Я жить не в силах и мгновенья без
тебя.
Приходи! Минута даже мне мученье без тебя.
В смертный час останься в сердце — ведь для
дальнего пути
Трудно духу с бранным телом разлученье без
тебя.
Если радости мне хочешь, виночерпий, на пиру,
Знай, не даст вино Ковсера опьяненья без тебя.
Я сознания лишился от вина любви твоей.
Приходи — мне невозможно пробужденье без
тебя.

Соловей, влюбленный в розу, стал в народах
знаменит, —
Мне же слова не подскажет вдохновенье без тебя.

Если без тебя рассудком помрачился Навои,
То вернись, — ведь нет рассудку просветленья без
тебя!

* * *

Ветерок! Моей любимой, чем душа полна, скажи.
Станом — кипарис, а ликом — роза мне она, —
скажи.

Что напрасно проливаю ради губ-рубинов кровь,
Ей, на пиршестве сидящей с чашею вина, — скажи.

Все — о горечи желаний, винном яде, крови слез —
Той, чьи губы слаще меда, той, что так умна, —
скажи.

Говорят: зачем в разлуке стал печален твой удел,
Все душе моей, в которой ночь всегда темна, —
скажи.

И что ради милой девы честь и имя я забыл,
Всадник сердца, в край разлуки правя скакуна,
скажи.

Чудотворец, дней начало мятежом отметил я;
Озарит ли луч прощенья их конец до дна — скажи?

Утешительница, где ты? Путник, видя Навои,
О тоске его и горе той, что так нежна, — скажи!

* * *

Почему на лик прекрасный складка гневная легла?
Иль сияющее солнце затянула ночи мгла?

О свидании услышав, бьется сердце у меня,
Но не думай, что разлука тишину ему дала.

Я твои рубины-губы выпустил из губ своих
Так, как выпускают душу, если смерть за ней
пришла.

Гибну я, когда ты тонкий опоясываешь стан, —
Да, судьба такую стройность мне на гибель создала!

Пусть меня ее собака растерзает на куски,
Лишь бы мимо окон милой кость мою проволокла.

Виночерпий, дай мне чашу, потому что грустен я:
Чаша исцелит мне душу, чаше — вечная хвала!

Клочья порванного сердца Навои с трудом
собрал, —
Ты на сто клочков, шалунья, вновь его разорвала.

* * *

Вчера я с луноликой был — ах, это сон, виденья
бред!
Нет, то — не бред: где нету сна, там сновидений
тоже нет.

Поверженного сердца зов — то о свидании
мольба, —
Так нищего немой вопрос завесою стыда одет!

Ах, очи на твоём лице — как буква айн на строчках
книг,
А пятнышки в твоих очах — как на нарциссах
точек след.

И стан мой немощью согбен перед красой того
чела, —
Так меркнет месяц в вышине, сияньем солнечным
задет.

Слезами орошу я путь — мой кипарис сюда придет:
Проглянет, словно бы росток, живую влагою
согрет.

Мечом измены, как калам, мой стан засохший
расщеплен,
Мой стон немой — словно не мой: камыш засох —
напевам вред!

Как животворна влага уст! Но Навои — не пить
нектар.
И Хызра век — не для него, ему не видеть долгих
лет!

* * *

Умолк перед твоей красою разум:
Взметнулась страсть, затмив собою разум!

Где озаряет тьму твое сиянье,
Там меркнет мысль, сражен бедою разум!

В сиянии любви — нам озаренье,
А в путях мысли скован тьмою разум!

И трудный путь любви никто не кинул,
Когда надменно звал к покою разум!

И если мысль не освещать любовью,
Не станет ли она пустою, разум?

О Навои, в вине любви — забвенье,
Когда тебя гнетет тщетою разум!

* * *

У любимой над крышей не голуби стайей кружат,
Это пери, как птицы, слетелись для нег и усад.

Или ангелы стайкой сюда устремили полет,
Чтоб любимой украдкой послать очарованный
взгляд?

Или это — плененных ее красотою сердца,
Словно легкие птицы, над крышей спускаясь,
парят?

Или голуби выются и письма влюбленных несут
Той, что ласковым словом напутствие даст им
назад?

Дай вина, виночерпий! Поймаем с тобой голубей, —
Я по той, что их кормит, смертельной печалью
объят.

Голубь, что ты скрываешь под шелковым пухом
крыла?
Передай ей записку — в ней строчки слезами
горят!

Навои, ты, как голубь, к ногам луноликой слети
И, взмывая над крышей, пари и спускайся стократ.

* * *

Зачем мне розы на пиру, когда вина не будет,
Зачем вино, когда из роз там хоть одна не будет!

Пусть в чаше отразится блеск Венеры
солнцеликой, —
Ведь без нее плеяда звезд красой полна не будет!

Взойдут и солнце и луна, Юпитер и Венера,
Но Марса нет — их красота озарена не будет!

Когда есть все, но к магам путь — в их тайный
дом — заказан,
Высокой радости в душе в те времена не будет.

Когда в чертоге пир шумит и дверь закрыта прочно,
Не будет человеком тот, кто пить до дна не будет!

Прекрасен благодный покой услад и нег вечерних,
Пока десницею судьбы разбит сполна не будет!

И если каждому судьба такой вот день дарует,
Печали нет, а и придет — страшить она не будет!

Чудесна в пиршестве земном пора увеселенья,
Пока на гибель стражем дней осуждена не будет!

И если, Навои, судьба тебе готовит вечность,
Пусть — о любви мечта и сон, другого сна —
не будет!

* * *

Она ушла, покинув пир, и села на коня, хмельна,
А я ей чашу протянул, с мольбой держась за
стремена.

Нет, мне ее не удержать, но я бы в жертву жизнь
 принес,
 Чтоб силой чуда бы она была на пир возвращена!

Торопит всадница коня — и сердце падает в груди,
 Мечом обиды ранен я, жестоко грудь уязвлена.

Зачем не на смерть я сражен? Не легче ль муки
 мне пресечь,
 Чем торопить в обратный путь и гнать сквозь темень
 скакуна?

Как грустно одиноким быть на горьком пиршестве
 скорбей:
 Нарушен сердца сладкий сон, душа покоя лишена.

От века так заведено: кто чашу радости вкусил,
 Сто кубков горечи тому судьба велит испить до дна!

Я в одиночестве умру. Не странно ль — преданность
 моя
 Ответной верностью в любви ни разу не награждена!

Когда белеет голова, с уединением смиришь,
 Ведь не украсят юный пир ни грусть твоя, ни
 седина!

Неверную не возвратишь. К чему ж терзаться,
 Навои?
 Смотри: ты бледен, стан дрожит, душа печалью
 смущена!

* * *

В разлуке непроглядна ночь — дай, кравчий, мне
 вина, —
 Как солнцем, станет тьма моя вином озарена.

Меня разлука извела, и мукам нет конца,
Да будут в сердце хоть на миг покой и тишина!

И пусть сверканье винных чаш как молния
блеснет:
На западе за цепью гор громада туч черна!

Ночь горестей темным-темна, и ей предела нет, —
Огнем стенианий озари ночную темень сна!

Вдали от солнца моего весь мир вокруг — закат,
И кровью от меча судьбы душа опоена.

Что люди дарят на земле? Одну лишь горечь ран!
О раненое сердце, верь: жестоки времена!

И даже день окутан тьмой в разлуке, Навои,
В разлуке непроглядна ночь — дай, кравчий, мне
вина!

* * *

Ты ношей горестей мой стан, как чанг, горбатым
сделала
И звук в душе поющих струн под стать утратам
сделала!

Уж лучше бы в скрижаль небес мою беду
вписали бы, —
Меня ж ты ввергла в море слез — тоской объатым
сделала!

Пронзил все девять сфер небес дым стонов моих
огненных,
Ты радостью мою беду врагам заклятым сделала!

Гордец! В суровый час беды будь с теми, кто
судьбой унижен:
Ведь нынче их щадит судьба, а ты уже сражен
разлукой!

Клянусь: готов сто тысяч бед перенести за миг
свиданья,
Но не приму я жребий мой, когда грозит мне он
разлукой!

Отвергнутый, я слезы лил, чтоб мой посев взошел
плодами, —
Увы, не даст плодов росток, что в сердце заронен
разлукой!

О Навон, когда ты ждешь соединения с любимой,
Сто тысяч бедствий претерпеть положен нам закон
разлукой!

* * *

В огне измен душа от слез и от тревог сгорает:
Так молния сверкнет бедой — и сразу стог
сгорает!

Летя на светоч красоты, горящий в ночь печали,
Огнем томимая душа, как мотылек, сгорает.

Напрасна жертвенность в любви — мое сгорело
сердце:
Ведь даже храбрость смельчаку в огне не впрок —
сгорает!

Что это — рдяный цвет зари, багровый свет заката?
Иль это в жаре мук моих предвечный рок сгорает?

Любовь, мне сердце опалив, сожгла и дух и тело:
 Когда страна в огне — с ней все в недолгий срок
сгорает!

От мук сжигающей любви, как ты ни скор,
не скраться:
 Ведь даже мотылька полет не уберет, — сгорает.

Ты не спознался, Навои, с красотою солнцеликой:
 В огне и разум, что постичь светило б смог, сгорает!

* * *

Не слезы это — сердца кровь, поток их красным
кажется!
 Да, это — кровь, хоть отблеск слез как будто ясным
кажется.

Я раз припал к ее губам — мой ум сражен
безумием:
 Кто тих — и тот, испив вина, подчас опасным
кажется!

Страшна и малая печаль для сердца сокрушенного:
 Подбитой птице ком земли — и тот ужасным
кажется.

Увижу днем ее чело — оно и ночью снится мне:
 Взглянув на солнце, взор смежишь — оно все
красным кажется.

Вокруг себя людскую кровь ты проливала
реками, —
 В них гряда черепов-камней пластом безгласным
кажется!

Дверь кабачка закрой не всю — как лик прикрыли
локоны:

В полнеба разлитой закат всегда прекрасным
кажется!

Взгляни, творец, на Навои — как он усердно
молится:

Мне брови чудятся, михраб в их сгибе властным
кажется!

* * *

О, не врачуйте сердце мне, — оно от муки
омертвело,

Пусть разорвется вместе с ним и все истерзанное
тело!

Спустите на меня собак — хранителей ее порога:
Погнали б яростно меня — душа бы радостью
зардела!

Паду к любимой на порог — и пусть меня, безумца,
вяжут,

Пускай и цепью оплетут — приметой песьего удела!

Зачем Меджнуну знать меня? Прошу вас, пленники
безумья,

Чтоб ваша мудрость на меня хоть на мгновение
слетела!

Безумье бешеного пса с моим безумьем
не равняйте,

Загo слывущего умом — с безумцем сравнивайте
смело!

О горе! Молнии разлук метнули в очи мне огонь,
И тело пламенем сожгли, как тонкий стебелек,
глаза!

Но не сгубил меня потоп стенаний огненных моих:
Я, словно маскою пловец, завесой слез сберег
глаза!

Коварен взор ее как Марс: сверкнул — и пиршество
затмил,
Как будто пир подстерегли таящие упрек глаза.

О Навои, ты тщетно ждешь, я сердце не могу
отдать —
Разбили сердце градом слез, как жалкий черепок,
глаза!

* * *

Безумство и любовь, вы нас для всех позором
сделали
И жертвою людской молве и глупым спорам
сделали!

Вы сердце бедное мое побили градом горестей
И муку тайных ран его открытой взорам сделали!

Такой бедою никого из любящих не мучили,
Меня ж на муки обрекли, больным и хворым
сделали.

Когда в ночь скорби я погиб, стал мрак мне
одеянием,
Тьму ночи — трауром по мне, моим убором
сделали.

И если я умру, друзья, отравой мук истерзаный, —
Ну что ж — вы избавленья мне тем приговором
сделали!

Пусть радость суждена тому, кому любовь —
пристанище,
Меня ж скитальцем по чужим глухим просторам
сделали!

Хоть я не с голубем дружу, а с птицею забвения,
Меня вы притчею толпе, ее укорам сделали!

О вы, кто в цветнике мирском налили кубки
радостью,
Зачем вы горькой нашу жизнь, губя нас мором,
сделали?

О вы, безумство и любовь, вы нас позору предали
И явной тайну Навои вы вражьи сворам сделали!

* * *

Я луноликой бы не смог и слова молвить за сто
лет,
А если б и сказал — стократ я был отвергнут бы
в ответ!

Любви в ней нет, но иногда вдруг милосердьем
одарит —
И люди в зависти язвят меня уколами клевет.

И странно ведь: она весь мир навек поссорила
со мной,
А у самой — друзей не счесть, ей мил в пиру
любой сосед!

А как иначе? — Верный друг всегда доверьем
обделен,
Пока чужие — как друзья, и каждый лаской
обогрет.
И, значит, люди неверны, как неверна и жизнь,
о Хызр,
Раз Искандер, построив вал, смутьянам положил
запрет!
Блажен, кто отыскал приют, который людям не
найти,
Хоть и обыщут даль времен, хоть и обрыщут
целый свет.
Жестокостям сынов времен, о виночерпий, нет
границ!
Дай чашу мне, чтоб ум померк, чтоб разума
пропал и след!
А если помощь мне подаст Фархадов и Меджнунов
рой,
И сотней уст не вразумит безумца добрый их
совет!
Могучий, словно небо, шах иль луноликий
кипарис —
В жестокости, о Навои, различий между ними нет!

* * *

Отрекся я от уз любви. Гоните прочь меня скорей,
Обрушьте на меня поток хулою налитых камней!
Свяжите шею мне жгутом в урок приверженцам
любви,
Тащите средь базарных толп вместилище души
моей!

С позором пусть приволокут меня на торжище
беды.
Толпа! Измучай плоть мою, как только сможешь,
и — убей!

И тут же мерзостный мой труп предайте пламени
костра,
Из преисподней взяв огонь, а хворост — из степи
скорбей.

А превращусь в горелый прах — развейте по
ветру его, —
Помчится с пеплом к небесам разлуки мертвый
сухостей!

И ветер понесет мой прах, а вы всей болью ваших
ран
Пропойте песнь про зло разлук и про изменников-
друзей!

И, видя мой позор, сто бед стерпите, пленники
любви,
Но усмирите пыл сердец, взнуздав коня любви
своей!

Друзья, прошу вас: пусть придет на пепелище мук
моих
Кумир моей былой любви — не знавший жалости
злодей!

Я глен среди небытия, но к опозоренной душе
Пусть ветер рая донесут копыта мчащихся коней.

Всем хватит бед в степи любви, и кто за Навон
вослед
Туда придет, — сто тысяч мук сыщите для
пришельца в ней!

Секрет влюбленности — у тех, кто раб ее оков,
спросите,
А у обласканных судьбой про радости пиров
спросите.

Любовь и верность — наш удел, иной обычай нам
неведом,
А про неверность у дурных — в чем суть ее
основ — спросите.

Нас жалкой немощью гнетут заботы времени
и старость, —
О красоте и силе тех, кто молод и здоров,
спросите.

Что бессердечному глупцу сердце восторги и
крушенья!
Про сердце — лучше у того, кто слышит сердца
зов, спросите.

Не знает праведный в любви повадки пленников
порока, —
Об этом нас, познавших мрак порочных тайников,
спросите.

Мужей почета и чинов про отрешенность не
пытайте,
О сладких тяготах ее у нищих бедняков спросите.

Вся сила пленников любви — во прахе немощи
смиренье,
А как смирить врага — у тех, кто дерзок и бедов,
спросите.

Неведом людям суеты благой приют уединенья,
Уж если спрашивать о нем, — снискавших тихий
кров спросите.

В пустыню горестной любви друзьями Навои
отторгнут,
О нем — случайный караван, бредущий из песков,
спросите!

* * *

Забыть решила ты меня навеки,
Презреньем за любовь казня навеки.

Где клятвы, обещанья быть со мною?
Забыто все с того же дня навеки.

И светоч счастья ты мне загасила,
Другим отдав весь жар огня навеки.

Надменно ты безвинного презрела,
Участие к другим храня навеки.

На преданных друзей ты зло клеветишь,
Что все они — врагам родня навеки.

О сердце, ты утешилось в разлуке,
Печаль и смерть вином гоня навеки.

Врагам в усладу, Навои — в отраву
Позором ты клеймишь меня навеки!

* * *

О баловни блаженных нег, меня в беде бы
пожалели!
Вас обижают так, шутя, — не плачьте о своем
уделе!

Святоши! Что учить меня! У бога лучше б
испросили
Любимой — доброты, а мне — терпенья, что всего
тяжеле.

Терпенье, сдержанность и ум! Оков на душу не
наденьте,
Бегите врассыпную прочь: моя шалунья словно
в хмеле.

От глаз и сердца — муки мне, и мукой ослепил
я очи,
А сердце — вам бы сжечь его, когда б найти его
сумели!

Я — прах в степи небытия. О люди божьего обета,
Храните память обо мне, сложив дастаны и газели.

Согбенный, я едва стою, но что вам в этом,
баловницы?
Не лучше ли, резвясь, скакать в забавах игрищ
и веселий?

Убог и жалок Навои из-за любви к той пери, —
знайте.
Безумный, бродит он в степи — вы на него бы
посмотрели!

* * *

Сверкнула в темноте ночной краса ее чела —
свеча,
И словно солнце вдруг взошло — светлее звезд
была свеча!

Ей голову сжигает страсть, а ноги держит медь
оков —

Не потому ли от безумств себя уберегла свеча?

И каждой ночью до зари она, рыдая, жжет себя —
Печальным другом стала мне в юдоли бед и зла
свеча.

Не говори, что пламя — бич: к моей бессоннице
добра,
Своим дрожащим языком мне сказок наплела
свеча!

Желая в сердце мотылька побеги нежности
взрастить,
В него роняет влагу слез и зерна без числа свеча!
Не для того ль, чтоб мотылька пожаром страсти
погубить,
Ему лукаво подмигнув, свой лик-огонь зажгла
свеча?

Та луноликая меня не допустила в свой шатер —
Не так ли дразнит мотылька огнем из-за стекла
свеча?

А может быть, из-за любви она сгорает и сама
И опалает мотылька, чтоб он сгорел дотла, свеча?
Пусть, Навои, светильник твой задуют вздохи мук
твоих, —
Блеснул тот лик — твой ветхий дом сияньем
залила свеча!

* * *

В печальном сердце от любви такая тяжесть мук,
Что стон мой в душах всех людей родит ответный
звук.

Какое диво в том, друзья, что плачу я навзрыд?
В больной душе — печаль и скорбь, когда неверен
друг!

Когда душа во власти слез, тому причиной —
хворь:
Влюбленных от измен гнетет мучительный недуг.

Когда в беде есть добрый друг, то это — не печаль,
Но горе, если скорбь придет и нет друзей вокруг!

Когда ты ранен не мечом, лекарство — радость
встреч:
Тому, кто раз любовь обрел, страданье — от разлук!

О ты, взлелеявший свой сад, не радуйся цветам:
Ведь на рассвете не от роз — от солнца блещет
луг!

С Фархадом и Меджнуном схож смятенный
Навои —
Его любимой красота достойна их подруг!

* * *

Кто возносил от мук измен такой же горький стон,
как я?

И кто взрастил такой цветник, что кровью слез
вспоен, как я?

Кинжал избранниц красоты всегда готовит верным
казнь,

Но и познавший казнь разлук не знал таких
времен, как я!

Пускай познавший боль измен в отчаянии кричит
смерть:
Среди зовущих смертный час кто смертью был
спасен, как я!

Ее глаза погибель шлют и выпивают кровь людей,
Но кто ей верным был рабом и рабства чтит
закон, как я?

Безумцам горестным всегда бросали дети камни
вслед,
Но кто еще рубцами ран покрыт со всех сторон,
как я?

Кто всюю страстью полюбил, того опасность
стережет, —
Своей рукой щедрот души да не раздарит он,
как я!

Влюбленный, вот тебе совет: любви к злонравным
берегись, —
Ты будешь за единый миг стократно оскорблен,
как я!

Когда от тягостей времен забвенья и покоя ждешь,
Укройся в хижине хмельной, вкуси покой и сон,
как я!

Когда твой разум, Навои, тоской любовной муки
сжат,
Беги Медждуном в глубь пустынь, от мира
отрешен, как я!

* * *

Меня повергла в ночь невзгод разлука,
Дала в судьбу мне черный гнет разлука.

Я обречен на муки слез кровавых,
А недругам блаженство шлет разлука.

А если и теперь так много тягот,
Какой же мне сулит исход разлука?

Душа и сердце в горестях рыдают,
Печалью грудь мне разорвет разлука!

Зачем корить? За всю мою строптивость
Стократ мне воздала вперед разлука!

Бывает так, что выпьешь чашу счастья,
А напоследок яд нальет разлука!

Пока приблизит твой черед разлука!
Сто раз ты, Навои, умрешь без милой,

* * *

Что жизнь мне? — Речь твоя, живое слово —
лучше,
Рубин живящих уст всего земного лучше!

Я — раб твоих измен, и все ж я твердо знаю:
Кто в мире лучше всех, ты и такого лучше!

Ты ищешь жертв себе — убить своей любовью, —
Не сыщешь никого меня, больного, лучше!

В степи любви бродя, забудь покой, о разум, —
Чем жить под сотней крыш, бродить без крова
лучше!

Любовь! Возьми в свой дол меня взамен Меджнуна!
Не я ли, чья судьба стократ сурова, лучше?

Смиренно я служу пригожим и негодным:
И тот, кто хуже всех, — меня, дурного, лучше!

А хочешь, Навои, чтоб стих твой стал острее, —
И тот, кто хуже всех, — меня, дурного, лучше!

* * *

Она к чужим с любовью льнет, а к нам, конечно,
нет,
У ней и псам известен счет, а нам, конечно, нет!

Собакам есть у ней приют, а нас гоняют прочь,
Другим и кров есть и почет, а нам, конечно, нет!

Порою губит и других, а нам не в том печаль:
Хватает всем ее щедрот, а нам, конечно, нет!

Не странно, если вздох ее отгонит прочь мой прах:
Вольготно пыли у ворот, а нам, конечно нет!

И даже псы ее ко мне гостями не придут:
Ведь и сама к другим идет, а к нам, конечно, нет!

Печаль и радость — только миг, и есть ли в том
беда,
Что добр к любимцам небосвод, а к нам, конечно,
нет?

Любовь не тешит Навои, а утешенье есть:
Другим в любви — смертельный гнет, а нам,
конечно, нет!

* * *

Что за коварство и краса — ведь им предела нет:
В одно мгновенье — сотни мук, а ей и дела нет!

Где родинки ее? Кровь слез алеет, как тюльпан,
Но россыпь точек на цветке и не чернела, нет!

Все сердце кровью налилось, но не исходит стон:
От века чаша, что с вином, ведь не звенела, нет!

Клейми меня тавром раба, у горя откупи:
Цены мне, кроме той, чтоб ты меня презрела, нет!

Свиданье с дивом красоты — блаженства тайный
клад,
Но, кроме локонов, там змей, скажу я смело, нет!

Весь перевязан Навои от ран твоих измен, —
Иной одежды, чтобы скрыть все раны тела, нет!

* * *

Гнетешь ли, верность ли сулишь — равно красна
ты мне,
Пошлешь ли смерть иль воскресишь — как жизнь,
нужна ты мне!

Вблизи ли вижу стройный стан, смотрю ль издалека,
Ты — словно кипарис в цвету, сама весна ты мне!

Что о любви моей сказать? — Ты в сердце у меня:
Как тайная печаль души навек дана ты мне.

А искушаешь красотой — за стон мой не стыди:
Лихую долю мук и слез дала сполна ты мне!

Едва припомню отзвук слов твоих рубинов-уст —
Хоть и на миг, а словно гость в те времена ты мне!

Пусть из безумцев только я отвергнут был тобой:
Среди всех пери лишь одна наречена ты мне.

От страсти умер Навои, а ты его коришь, —
Как взбалмошен еще твой нрав, как неверна ты
мне!

* * *

Друзья, мой стройный кипарис вы среди роз в саду
спросили б,
А от меня взамен всю жизнь для той, кого я жду,
спросили б!

От скорби сердца умер я, а вы мне ищете лекарство!
И не ищите, — у нее вы про мою беду спросили б!

Не надо сострадания мне, когда я от разлуки
стражду, —
Как мне страдание облегчить, ее — мою страду —
спросили б!

Напрасно ищете меж роз сраженное безумьем
сердце, —
Безумца — у ее дверей, где я во прах паду,
спросили б!

Когда бы знали вы, что враг, сулящий гибель
мне, — разлука,
Вы у разлуки кровь мою — за верность сердца
мзду — спросили б!

Когда не вижу дивных уст, я словно отрешен от
мира, —
Мой след в стране небытия, куда один бреду,
спросили б!

Когда сердца вам леденит сказ о Фархаде и
Меджнуне,
Вы лучше пламенный дастан, напетый мной в
бреду, спросили б!

Скорбь погубила Навои. Мучители, вы плоть —
не душу,
Когда, страданьями убит, я мертвым упаду,
спросили б!

* * *

Ах, от печали умер я — жестокая моя, приходи!
И ты, о сердце, вслед за ней и дружбу к ней тая,
приди.

И хоть твержу я «приходи», не зная звука слов
иных,
Ей все равно, скажу ли «стой», произнесу ли я
«приди»!

И пусть не в силах ты спасти меня от бед и мук
моих,
Узнать о бедствиях моих, о муках бытия — приходи.

Как месяц льет в разбитый дом через проломы
кровли свет,
Сквозь раны тела в сердце мне льет свой лунный
свет, приходи!

Ты ведь сулила потушить огонь мой влагой уст
своих, —
Сейчас летит мой жаркий стон в небесные края —
приди!

* * *

Когда я сердцем и душой изведаль от людей печаль,
Была ли сердцу от души, душе ль от сердца злей
печаль?

Вся скорбь — от этих двух причин, от них всегда
тоска и грусть:
Когда печаль со всех сторон, попробуй-ка рассей
печаль!

Кто в этом мире огорчен — из-за людей его беда:
Кого в темнице мрак гнетет, тому от палачей
печаль!

Послушай, друг, я клятву дал с людьми вовеки
не дружить:
Да не проникнет в их сердца от горести моей
печаль!

Мне и в глухих песках пустынь не нужен
в бедствиях собрат:
Ведь даже призракам степным чужда моих скорбей
печаль!

Одно коварство видел я в ответ на преданность мою,
Из-за неверности людской в душе еще сильней
печаль!

О кравчий, свыше сил моих печаль, что от людей
терплю, —
Налей мне терпкого вина, налей еще, развей
печаль!

И пусть разгонит тяжкий хмель рассудка горестную
блажь:
Все беды сердцу — от ума, и от его затей —
печаль!

Душа у Навои в огне, и пламенем горят слова,
Но это... меньшая беда, чем от любви твоей
печаль!

* * *

Я странником пустился в путь, чтоб жар любви
во мне иссяк,
Но пламя все сильнее вздувал не то, что путь,
а каждый шаг!
Куда стопы ни направлял, единый шаг, единый
вздых —
И рать мучений набежит, и пламя то рождало мрак!
Не верь, когда расскажут, друг, что странствием
излечишь страсть,
Ведь это — ложь: покоя мне не принесла стезя
бродяг!
Влюбленным незачем искать разлуки отрешенный
край:
Там каждый камень — как гора, и каждый стебель
— что тесак!
Пусть лучше рухнет на меня стена на улице ее,
Чем без нее найти приют в пристанище священных
благ!
В любви я плоть свою обрел, влачась в степи
небытия,
Но, плоть измучив, я свой дух с любовью лишь
сильней сопряг!
Не тщись разубеждать меня речами мудрыми,
о друг, —
Для Навои влюбленным быть — судьба
предначертала знак!

* * *

Адским пламенем разлуки мне сжигает тело,
Дымом пышат мои вздохи — все внутри сгорело!

Боль души, страданье плоти, пронизав друг друга,
Словно бы утók с осковой, сеть плетут умело.

Захлебнусь в разлуке кровью, вознесу стенанья,
Кровь — мое вино, а песня — стоном возлетела!

Прах у ног твоих целую, стан мольбою согнут,
Посмотри, как я покорен, предан без предела!

Из-за уст твоих и стана стал я словно небыль,
Только — был я или не был, — что тебе за дело!

В кабачок! Монетой веры оплачú похмелье, —
Для меня не будет в мире лучшего удела!

Навон, ты смыл слезами все, что сердцу чуждо,
Лишь любовь твоя навеки в сердце уцелела!

* * *

Когда, тоскуя по тебе, я розу в цветнике возьму,
Мой жаркий вздох чадит и жжет — она желтеет
в том дыму.

Я думал, рок всю тяжесть мук Фархаду и
Меджнуну дал,
Потом я понял: жребий бед мне предназначен
одному!

Ее каменьев тяжкий град проник сквозь боль
отверстых ран, —
Как сердце милой, этот груз храню в себе я, как
в дому.

Моя наездница лиха, ей любо на скаку играть.
Что ж, нужен ей для гона шар — с себя я голову
сниму!

Ах, нечестивица! К беде она попалась мне в пути:
Вот приключилось горе мне — погибель вере и уму!

Не диво, если, охмелев, рассвет я встречу в
кабачке:
Вчера собрался я в мечеть, да позабыл надеть
чалму!

Спален любовью, Навои клеймом каленым сердце
сжег:
Оно язвит и жжет меня, а жар я сам даю клейму!

* * *

Я твой платок держал в руке и слез сдержать
не мог тогда,
Но лишь поднес его к очам — и хлынул слез
поток тогда.

Едва коснулся он очей — иссяк и замер ливень
слез,
Но чуть отнял его от глаз — слезами взор истек
тогда.

Опять поднес — и нету слез, и я платок свой
отложу,
А снова слезы потекут — возьму опять платок
тогда.

Ах, если б остря ресниц я сделать языками мог —
Я б речью глаз моих сказал, как слаб я и убог,
тогда!

Я намстал бы нить души на каждый волосок
ресниц,
Навек терзаться б и страдать я жизнь свою обрек
тогда.

Налей же, кравчий, кубок мой, и пусть красавица
подаст —
Все благо веры я отдам как плату за глоток тогда!

О Навои, пока я пьян, я эту песню затяну,
Ума и веры суета мне будет невдомек тогда!

* * *

Твердят любимой обо мне то ль правду, то ли ложь
теперь.

А ей — что правда, что обман, всему поверит
сплошь теперь.

Жестокой сердце я отдал — ах, пусть и жизнь мою
возьмет:

Враждой ее друзей убит, не нужен ни на что
теперь!

Уж раз соперники мои в таком почете у тебя —
Убей, разлукой изведи, а жить мне нестерпеж
теперь!

Любой навет ей по душе, пришло безвременье
мое —
Приспело время прочь брести, — ведь я же нехорош
теперь!

От мук все сердце истекло потоками кровавых слез,
За мигом миг, за часом час всю кровь мою
возьмешь теперь!

О сердце! Людям не дано обеты верности блюсти.
Что ж ты горишь? Нарушь обет и верность
уничтожь теперь.

Пусть нечестивцы, Навои, отнимут веру, жизнь
возьмут,
Да упасет тебя аллах, чтоб с ними был ты схож
теперь!

* * *

Зачем луна моя от клятв, от дружбы отреклась,
не знал я,
В чем виноват я и за что такая мне напасть,
не знал я.

Я так любил и так я ждал, что сердцу суждено
блаженство!
Но что разлуку мне сулят и так вот будут клясть,
не знал я.

Когда у милой на пути, как вихрь, взметнулся ветер
стонов,
Былинке тела — жертве бурь где суждено упасть,
не знал я.

В цветник любви я залетел щебечущей и вольной
птицей, —
Что в западню твоих кудрей меня поймает страсть,
не знал я.

Когда я видел строй ресниц, я сил и разума
лишался:
Где войско, где мне силу взять, чтобы в борьбе
не пасть, не знал я.

О богатей, тебя мне жаль: презрев влюбленных,
ты не ведал:
Отшельникам чужда печаль по власти и гордыне,
право!

Не знал я, что ни говори, как Навои горька
разлука:
Всю ночь он стонет до зари в мученьях и кручине,
право!

* * *

Жар ревности жжет и при встречах весною,
А что станет в осень разлуки со мною!

Что пользы, приятель, жалеть мое тело?
Стократ раны сердца печалям виною!

Ищи же дорогу к разбитому сердцу:
Развалины тлен занесет пеленою.

Мудрец! Не жалея меня, бродим мы розно:
Ты — градом цветущим, я — дикой страную!

Смотрите: я чахну, недуг меня гложет —
Я сердце по каплям в стенаньях изною!

Сыны благочестия, плачьте по вере:
Моя нечестивица вышла хмельною!

Ты чашей, как солнцем, свети, виночерпий, —
Во мраке живу я печалью одною!

Нет верности в людях, хоть душу отдай им, —
Зачем же неверной моей быть иною?

Ты хочешь, чтоб нес я разлуку с терпеньем, —
Нет сил, Навои, жить такую ценою!

* * *

Светом ночи взойдет моя дева-луна —
Западня ее кос непрозримо темна.

Темнота людям очи затмить норовит,
Но любимой моею светлы времена!

А меня отрешила от дружбы своей, —
Вот какая недоля еще мне дана!

А с такою бедой я и жить не смогу,
Кличу смерть я — сошла б на меня
тишина!

В утро судного дня мне прозреть
суждено,

Чашу мрака ночного испил я до дна!

Верных роз не бывало в мирском
цветнике, —

Замолчи, соловей, твоя песнь не нужна!

А умрет Навои — вы не пойте о нем:
Лишь споете ту песнь — всех погубит
она!

* * *

О кравчий, в мире много ль мук, чьей пытки я
не снес, осталось?
Налей мне, чтобы в теле сил стерпеть всю горечь
слез осталось!

«Свиданья жаждешь, — молвишь ты, — отдай за
это в жертву душу!»
Да только где ж во мне душа, — ты б задала
вопрос, — осталась?

Тебе не скрыть любви вовек, — напрасно, сердце,
не старайся:
Сокрытых много ли невзгод и тайн, что в сердце
нес, осталось?

Мне силой вырвали стрелу, которой сердце ты
сразила, —
Порадуй: там хоть острие, чей кончик в сердце
врос, осталось?

О друг, в безумье рухнул я, едва лишь лунный лик
увидел, —
О, много ль тех, кто обо мне еще во власти грез,
осталось?

О сердце, оглянись вокруг: где ж пышно цветшие
бутоны
И сколько в цветнике твоём еще не сникших роз
осталось?

Будь верен дружбе, Навои, тебя любимая забыла,
А много ли подобных нам, кто в дружбе — как утес,
осталось?

МУХАММАСЫ

* * *

Кто твои увидел кудри, тот навек тоской пленен.
С черною печалью страсти, с горем подружился он.
Каждый миг себе в безумьи говорит он: «Я
влюблен!»

О взволнованные кудри! Кольцами со всех сторон
Льетесь вы, и тьмой душистой дух мой скорбный
покорен.

Ах! В прекрасной книге страсти роза — лишь один
листок.
Все цветы произрастанью учит свежий твой пушок.
Черных завитков сплетенье лишь рассыплет
гребешок —

И потоком гнацинты упадут на розы щек.
И скажу я: свод небесный облаками омрачен.

Подойти к тебе нет силы, я смотрю издалека.
И растаявшее сердце увлекает слез река.
Кудри жемчугом убрала верной мешшатэ рука...
Словно зеркало, сверкает предо мной твоя щека,
Но ее жестоким блеском я, печальный, ослеплен.

Тайну страсти сокровенной сохранит ли наша речь?
Только истинно влюбленный тайну может уберечь!

Что мне чары всех красавиц, что мне боль
нежданных встреч!
Но от той жестокой пери душу можно ли сберечь?
Что поделатъ человеку, даже ангел тут смущен!

Голосу любви внимают неба синего атлас:
«Почему одежда мрака с дивным телом обнялась?
Ведь настала ночь свиданья!» — Молвит небо:

«Минул час!

Белая рубашка утра с нежным телом обнялась,
И любитесь восходом тот, кто истинно влюблен».

Не дыханье ль Иисуса губы нежные таят?
Я молю: «Убей!» Смеется надо мной лукавый

взгляд.

Навон губам желанным в сладкий плен отдаться
рад,
Ведь они единым вздохом мертвых жизнью одарят.
Ах! Кто ожил, будет снова злой разлукою сражен.

* * *

Где тополь мой? О, горе мне! Я с нежным станом
разлучен.

С моим смеющимся цветком, с моим тюльпаном
разлучен.

Нет песен! С гурией моей я злым обманом
разлучен.

Поет ли соловей, когда он с гюлистаном разлучен?
И молкнет попугай, с родным шекеристаном

разлучен.

О, горе! Сквозь мои глаза частицы сердца потекли.
Росой кровавых слез моих окроплена вся грудь
земли.

И над землею — мой посев: тюльпаны красные
взошли.
Ты плачешь? Можно ль не рыдать, когда любимый
твой вдали?
Как прах с душой, так я с тобой судьбы обманом
разлучен.
Нет кубка единенья мне! Навек лишен я встречи
с ней.
Я влагой жизни огорчен — вином своих печальных
дней.
Не яд ли горя в то вино примешан милою моей?
Разлука горше смерти мне! О рок, срази меня
скорей!
Но да не буду я с ее желанным станом разлучен!
Разлука, сердца моего шипами больше не терзай!
Я сто мучений претерпел, я полон скорбью через
край!
О сердце! Больше претерпи, но милую не забывай!
Что мне десятки тысяч дней? Пусть я погибну
невзначай!
Но только да не буду я с моим тюльпаном
разлучен!
Огонь прекрасного лица меня тоскою опалил,
И тело и душа горят, я весь в огне, нет больше
сил.
Душе и телу моему так мудрый рок определил.
Сгорел при встрече мотылек не потому ль, что он
решил,
Что будет на рассвете он с ночным туманом
разлучен?
Влюбленному прожить нельзя без милых глаз, без
милых кос.
Без алой розы соловей поет, но голос полон слез.

О, горе мне! Как жить могу! Я смерть любимой
перенес.
Без милой сердцу Навои блуждает, как бездомный
пес.
О боже! Да не будет раб с его султаном разлучен!

* * *

Позабыт моим кипарисом, я грущу все сильнее
в разлуке,
Очи плачут по нежной розе, — о, как жалок я с ней
в разлуке!
Я без гурии райских кущей не пою много дней
в разлуке:
Да какой же напев веселый запоет соловей
в разлуке?
Попугай — и тот онемает, с нежным вкусом сладостей
в разлуке!
Жжет огонь любви мое тело — до костей, яр и зол,
сжигает,
Воротник лишь займется — пламя, глядь, уже и
подол сжигает!
Обезумевший стон мой землю и небесный престол
сжигает, —
Если я не с ней, солнцеликой, весь подоблачный
дол сжигает
Буря пылких моих стенаний, жгущих жарче огней,
в разлуке!
Ах, из сердца я пролил крови через взор еле
зрячий много,
Плакал я, тоскуя по розе, росной влагой горячей
много,

О, как жалок бедный влюбленный, если нежная
с ним не рядом:
В горе он соловью подобен, разлученному с вешним
садом.
Жаль певца: и жив, да без розы, одинокий, он чужд
усладам.
Как бездомный пес, без любимой Навои стонет
горьким ладом:
Что за раб — один, без султана? — Ты меня
пожалей в разлуке!

* * *

О, не была б твоя краса такой прекрасной никогда,
О, не видал ничей бы взор твой облик ясный
никогда,
И казни бы не слала ты такой ужасной никогда
И не являла бы чужим свой образ властный
никогда, —
О, если б ты не ввергла мир в мятеж опасный
никогда!
А ты, открыв прекрасный лик, повергла всех
людей в недуг,
И наострили сто мечей все пленники любви
вокруг,
И сердце изрубили мне в куски кинжалами
разлук.
И если свет твоей красоты посеял столько смут
и мук,
О, не видать бы мне тебя — беды всечасной
никогда!
Едва ты страсть во мне зажгла, познало сердце
горький рок:
Кто этот жар увидеть смог, того он сразу в пепел
сжег!

Мечтать о верности твоей — о, этот жребий так
жесток!
О, не видать бы мне твой лик, разящий насмерть,
как ожог, —
Не зарояла бы в меня ты искры страстной
никогда!

Любовь к тебе смутила ум, для веры став бедой
из бед,
А был ведь милостив и добр твоей былой любви
обет,
А нынче я — невольник твой, спасенья мне от
казни нет,
Я — пленник черных ксс твоих: я жертвою в их
кольца вдет, —
О, не бывать бы жертвой мне твоей безгласной
никогда!

Ты, сердце у меня отняв, сулила быть всегда
со мной,
Губили недруги меня — ты шла, не глядя,
стороной!
Когда бы милостям твоим я не поверил —
ни одной —
Не обманулся бы вовек, познал бы жребий я
иной, —
О, не терзать бы сердце мне мечтой напрасной
никогда!

Навек ты сердце отняла, когда с чела сняла
покров,
Изранила ты душу мне, твой гнев жестокий был
суров.
И если верностью любви, о светоч, так манил твой
зов,

А я такую страстью млею, к свиданью страстному
готов,
О, не терпеть бы мне потом и гнет злосчастный
никогда!

О лукобровая! Когда стрелой пронзила сердце ты,
Сулила верность мне в любви и исполнение мечты,
Но если ты теперь гнетешь, и все надежды отняты,
Измену понял я, в душе — не страсть, а темень
пустоты, —
О, не сносить бы мне позор молвы стогласной
никогда!

В плену желаний и страстей я мыкать свое горе
стал,
Я, как Меджнун, для горемык собратом их по
хвори стал,
Увы, посмешищем для всех я дни влачить в позоре
стал
И, опозоренный навек, совсем безумным вскоре
стал,
Зову я смерть: не свижусь я с тобой, несчастный,
никогда!

Не тщись для сердца обрести покой в тени
душистых кос,
Не говори: «Я в жертву жизнь устам медвяным бы
принес!»
Да разве пред ее конем не пал во прах я, — вот
вопрос!
О той, что неверна тебе, о Навои, не надо грез:
Не молви «если» да «кабы» ей, безучастной,
никогда!

Ах, любимую покинут я жестоко напоследок!
Так за муку посрамлен я волей рока напоследок,
Что от тайны не осталось и намека напоследок!
Стоном выдал скорбь, что мыкал одиноко,
напоследок,
Ранят грудь ресницы-стрелы издавека напоследок!
Луки-брови ты взводила — стрел-ресниц летели
жала,
Острия меня язвили, болью грудь на части рвало,
Я, собрав все силы сердца, сделал было щит-
забрало,
Затаил, зажал я раны, да страданье явным стало:
Через очи кровь прорвалась в два потока
напоследок!
Как меня судьбой злосчастной по любовным
тропам мчало!
Посмотрела б — пожалела, ты ж меня не замечала!
А теперь вот-вот умру я, истомленный одичало.
Раны от меча разлуки я хотел сокрыть сначала,
Да рванул пред всеми вóрот я широко напоследок!
С той поры, как стрелы горя сердце мукам
обучали,
Сотни тысяч язв сокрытых воспалились от
печали.
А мечтал я, чтобы люди ран моих не замечали,
Только стали явны людям затаенные вначале
Клейма страсти, что хотел я скрыть глубоко,
напоследок!
Как безумный, одержимым страстью к этой пери
был я,
В цепях кос ее Меджнуном мыкал плен совсем
без сил я,

И безропотно томился, ждал обрести ответный
пыл я,
Нем от страсти и восторга, все мучения сносил я,
Но и брошенный, терплю я боль упрека
напоследок!

Пред ее прекрасным ликом — стыд и срам всем
розам сада,
От ее речей певучих соловьям и то досада,
Косам — гиацинт не ровня, а нарцисс — не стоит
взгляда!
За безверье глаз, за косы как зуннары — мне
отрада
Вечно быть хмельным в притоне без зарока
напоследок!

Думал я о лике пери — одержимость донимала,
Гнет любви и мрак похмелья принесли мне слез
немало,
Был я нищ и наг, мне разум будто вовсе
отнимало,
Я безумьем был ославлен и не пощажен нимало,
От камней разлуки боль мне и морока напоследок!

Пей вино! Ведь доли, благо нам дающей, мы
не знали,
И красавиц в вешнем цвете среди кущей мы
не знали!
Вслед за осенью придет ли день цветущий, — мы
не знали,
Зелени мирского сада, нас влекущей, мы
не знали, —
Стали тенью, незаметной и для ока, напоследок!

Что за польза в шахской власти, если жить без
отрешенья:
В странах вечности не сыщешь ни султана,
ни правленья!
Только мудрому султану не познать вовек
забвенья.
Навои, ты ищешь вечность, жаждешь с нею
единенья, —
Ждать ее без отрешенья нет и прока напоследок!

* * *

О, сколько дней ты не со мной, отторгнул
грозный рок тебя:
За много лет ни разу я и повидать не смог тебя!
В дом сердца гостем тщетно жду я, сир и одиноч,
тебя,
Приди, покой моей души, — ведь я в душе берег
тебя,
Открой чело — как жаждет взор, струящий слез
поток, тебя!
Ушла шалунья, мрак души о ней вестями не
согрет,
А плоть — пустыня, где вовек и не сыскать
заветный след,
Ни мига мне в пустыне той не жить без скорби
и без бед, —
О мускусная лань, приди: нигде такой пустыни нет,
Где б я ни рыскал, словно смерч, ища, сбиваясь
с ног, тебя!
О пери, от разлук с тобой я сердцем хворым
изнемог,
Жестоко осужден молвой, покрыт позором,
изнемог,

Не упрекай, что я незрим — сражен измором,
изнемог, —
Ты, пери, скрылась, — вот и я, невидим взорам,
изнемог:
Всем неприметен, я ищу, куда зов тайн завлек
тебя!

Взошла луна моя в красе, украшенной венцом
лучей,
И душу немощью гнело, а сердце жгло все
горячей,
А взор мой, лишь узрел ее, взбурлился кровью,
как ручей, —
Не диво, если ты в крови утонешь, свет моих очей:
Ведь захлестнуло кровью слез, которой я истек,
тебя!

О, кто бы свел меня с тобой и дал бы чашу
страсти мне,
Хотя бы в шутку роз собрал и дал нектар их
сласти мне!
Но мне тебя не заманить, — за что же гнет
напасти мне?
Увы, надежды быть с тобой нет даже малой части
мне:
Утратив разум, от чужих я отлучить не мог тебя!

Я, кравчий, не прошу тебя: «Таким-то будь,
таким — не будь»,
Лишь мукой душу не томи и не терзай разлукой
грудь!
О, сжался, смилуйся, прости, не норови меня
минуть,

И если взор не отвожу я от тебя, — укор
забудь, —
Очам влюбленным не забыть, хоть на недолгий
срок тебя!

И если, одержимый, я пройду все реки и моря,
Все горы-долы обойду, судьбу за муки не коря,
Не упрекай, мол, ты зачем у всех дверей
толчешься зря!

О пери, если Навои поник, безумием горя,
Такой удел дарован тем, кто целью дум нарек
тебя!

* * *

Лик явив, столикой мукой разве сердце не гнула
ты?
В доме тела хворый дух мой не разбила ли дотла
ты?
Разве сломленную душу жаром страсти не сожгла
ты?
Опаленной моей доле не прибавила ли зла ты?
Зло карая, с черной долей разве не меня свела ты?
С той поры, как я, убогий, встретился с тобой,
прекрасной,
О, каким огнем жестоким не был я сожжен,
несчастный!
Не гнула ли ты мне душу смертной карою
всечасной,
Жаром молний не обжег ли душу мне мой стон
ужасный, —
О лавина слез горючих, не смертельно ль тяжела
ты?

Кипарис мой ладный, ты ли не гнушалась мной,
неладным?
Не со смехом ли внимала ты рыданиям
надсадным?
Не арканом ли грозила, не мечом ли
беспощадным?
Не мое ли тело предал гневный меч твой мукам
страдным?
Мне разлукой разве тело на куски не рассекла ты?

Сто мучений претерпел я: злюке той не ново
мучить,
Горем, скорбью я терзался, — ох, она бедова
мучить!
Сердцу я излил обиды — что ж, мол, так сурово
мучить?
Все ты, сердце, ей сказала — стала горше снова
мучить, —
Поразмысли — совершаешь разве добрые дела ты?

Говорить, что не бывает от людей сто бед,
не вздумай,
Лгать, что луноликой любо чтить любви обет,
не вздумай,
Мнить, что ей, подобно небу, чужды гнев и вред,
не вздумай,
И тебя, судьба, клянем мы — нас корить за бред
не вздумай, —
Всем счастливым дав надежды, не у нас ли их
взяла ты?

Если на стезе бездольных боль и скорбь терпеть
не будешь,
Шагом средь мужей печали ты вовеки ведь
не будешь!

Не познав безмолвных песен, никогда ты петь
не будешь,
Другом океану страсти, Навои, ты впредь
не будешь,
Если, как Аму с Арасом, слез не пролил в два
жерла ты!

ТАРДЖИБАНДЫ

* * *

О, почему с тобой я не дружу, вино,
Забота и беда гнетут меня давно...

На этот мир земной чем больше я гляжу,
Тем более мое сознание темно!

Хотел небесных тел природу я постичь —
Не тайна для меня отныне ни одно.

Приход мой в мир земной, уход мой в мир иной —
Вот этого понять, увы, не суждено.

Ни мудрость многих книг, ни вера в благодать
Загадку разгадать не могут все равно.

Дружить старался я со множеством людей;
В чем жизни цель — никем ответа не дано.

И врач лечил меня, и чудотворец-шейх, —
Неисцелим недуг неразрешимых «но».

И ты бессилен здесь, мой многомудрый пир!..
Все существо мое сомнения полно.

Мне стало тяжело влачить неверья груз,
Терпение мое вконец истощено.

Бегу в питейный дом, прошу вина — гляжу:
Разбитый черепок в руках своих держу!

* * *

О кравчий, утром принеси, прошу, того вина,
Которым сердце усладил я нынче допьяна.

Есть свойство у него — когда вновь чаша налита,
Хоть пьян ты, хочется ее вновь осушить до дна.

Послушай: раз я встретил тех, кто жаждой одержим,
И приключилась тут со мной история одна.

Какой-то силой повлекло к кабатчику меня.
Не так ли рыба на крючок порой завлечена?

Оставил рубище в залог, закупорил кувшин,
Чтобы надежней влага в нем была сохранена.

Иду. До девяти небес мне уж рукой подать,
Ведь чудной влагою моя посудина полна.

Внезапно, выследив меня, сойдясь со всех сторон,
Нравоучители толпой вокруг стали, как стена.

Разбился в схватке мой кувшин, вот чем я
сокрушен;
Всем неприятностям иным пред этим грош цена.

Стою и слезы лью ручьем, несчастен, пьян и наг,
Где выход? Не найти его. Моя ли в том вина?

В смятенье, попросить вина пошел я в погребок.
Смотрю, а у меня в руке один лишь черепок.

* * *

О чаше радостную весть ты принеси мне в срок,
О кравчий, ибо я вконец от жажды изнемог:

— 70 —

Ах, если в этом цветнике мне роза неверна,
Как воздержаться от вина? Как дать такой зарок?

Коль не сменяет ночь разлук заря — похмелья час,
Кто б ночь от утра отличить в угаре винном мог?

Я лакомствами и вином, водою и зерном
Насыщусь власть, чтобы силок приманкой
не завлек.

Став прѣданным учѣником кабатчика, узнай —
Шейх-уль-ислама имя я забвению обрек.

Придя в кабак, мертвецки пьян и буен буду я,
Чтоб всяк — и мѹдрый и простак ума не уберег.

Столпотворенье спьяну я устрою в кабаке,
Чтоб завопили земляки, пускаясь наутек.

О состоянии моем, ханжа, не вопрошай,
Когда без сил я в кабаке переступил порог.

И не осталось у меня ни четок костяных,
Ни рубища, чтобы отдать их за вино в залог.

В смятенье, попросить вина вошел я в погребок.
Смотрю, а у меня в руке один лишь черепок.

* * *

Глоток осадка в черепке — вина ничтожный след,
Но даже в нем отображен, знай, для меня весь свет.

Чтоб самолюбию страдать не приходилось впредь,
К вину прибегнуть надо мне — иного средства нет:

Пока я верен остаюсь кабатчику, узнай,
От неба можно мне не ждать опасностей и бед.

Но если все ж беда придет, о кравчий, что ж
с того?
Мне лишь бы твердо знать, что ты дал верности
обет.

На праведный я вышел путь в конце концов
и что ж? —
Поддавшись страсти, в тот же день я преступил
запрет.

Решил благочестивым стать, отшельником святым,
Чтоб чистой радости познать мне благодатный свет.

В мечети постоянно я в моленьях пребывал,
Но это чаяньям моим лишь приносило вред.

Я цену ханжества узнал, напоминал о нем
И зикр, и коврик, и любой молитвенный предмет.

Стремясь достичь небытия, освободился я
От пут ханжей, отринул их благочестивый бред.

В смятенье, попросить вина вошел я в погребок.
Смотрю, а у меня в руке один лишь черепок.

* * *

Хотел бы в этом мире я иметь красивый дом,
Чтоб «дом кувшинов» был открыт в соседстве
с ним притом,

Чтоб в заведение этом, где б я душу отводил,
Вивоторговец щедрым был, почтенным стариком.

Чтобы всегда стоял его помощник перед ним
С красивой чашею в руках, наполненной вином,
Чтоб тот юнец прекрасней был всех среброгрудых
дев,
Всех переликих красота соединилась в нем.
Такой вернет когда-нибудь мне жизнь с глотком
вина,
Иль жизнь отнимет у меня другой в чаду хмельном.
Осталось дело мне одно — впредь сказки
сочинять —
Безумец, время провожу так ночью я и днем.
Пить вскладчину я предложил однажды беднякам,
Собрал их вместе и еще поведал кой о чем:
«Я слышал, — так сказал я им, — что дом вина
открыл
Старик виноторговец вновь. В питейном храме том
Подносят поначалу всем по чаше, говорят,
Какой бы нищий ни пришел, к ним жаждою
влеком».
В смятенье, попросить вина зашел я в погребок.
Смотрю, а у меня в руке один лишь черепок.

* * *

В ту пору постоянно был я грустен и влюблен,
Гулякою беспутным слыл, молвою заклемен.
Гордился пьянством пред людьми, хоть и сносил
позор,
Ведь благочестия давно я преступил закон.

— 73 —

Кумиром сделал флягу я, носил ее с собой
На волоске, что к кушаку всегда был прикреплен.

Когда заложен коврик был, а также башмаки,
Был вскоре и тюрбана за ними вслед лишен,

Попал я в мир небытия, безумен и хмелен,
Подобно каландару в нем бродить был обречен.

Подростки райской красоты мне раны нанесли,
В неистовстве камней град швыряя мне вдогон.

Меня слугитель погребка любовью сжег дотла,
Был одержимым, озорным и с пери схожим он.

Когда узнал я, что судьба всех пьяниц такова,
Гуляк, что льнули к погребку, сойдясь со всех
сторон,

Что все они в любви равны, сроднился с ними тут
Я, плачущий от мук любви, таящий в сердце стон.

В смятенье, попросить вина вошел я в погребок.
Смотрю, а у меня в руке один лишь черепок.

* * *

Где схожий с розою лицом прекрасный кравчий
мой?

Похмелье губит душу мне, я поражен тоской.

В разлуке много я сносил страданий, тяжких мук,
В прах превратился, не стерпев злой участи такой.

Все ж мук похмелья, что снесу здесь что ни
утро я,

Не знали телб и душа и в час разлуки злбй.

Когда вконец я опился, согнулся буквой «даль»
Мой стан под тяжестью вина, так жребий мне
судил.

Стал с чашей золотою схож я желтизной лица,
Я цвета алого вина ручьями слезы лил.

Стянув с меня одежду, чтоб в залог ее отдать,
Как видно, небо поддержать взялось мой виновный
пыл.

Взамен одежды мне оно дерюгу поднесло,
Чтоб ею наготу свою я кое-как прикрыл.

До горя довело меня пристрастие к вину:
Случилось — малый черепок мне чашу заменил.

Меня в отчаянье поверг хозяин кабачка:
Из-за одной той чаши мне разнос он учинил.

В смятенье, попросить вина вошел я в погребок.
Смотрю, а у меня в руке один лишь черепок.

* * *

Опять из гордости тяну осадок терпкий тот,
Я отдал душу за вино, иное все не в счет.

О кравчий, подойди на миг. — Я умер, посмотри
На зеркало души — налей вино мне прямо в рот.

Нет, не за зеркало, скорей за солнце, что тепло
Всему живому на земле, пылинкам всем дает.

Зря постник упрекал меня, мне угрожал за то,
Что в погребок я трачу дни и ночи напролет.

Сказал я: «Лучше пить вино, чем постником
прослыть,
Лишь ради славы человек на этот путь идет.

Я пью вино и тем, узнай, уничтожаю плоть,
Постишься ты, чтоб укреплять ее наоборот».

Он рассердился и, бранясь, направился в мечеть,
Взамен благословений мне поток проклятий шлет.

Вошел он в келью, верно, все ж с молитвой на
устах, —
Такой за ханжество свое от неба чуда ждет.

На этот раз он прогадал. — Чтоб отразить беду,
В ту пору чудо совершить мой наступил черед.

В смятенье, попросить вина вошел я в погребок.
Смотрю, а у меня в руке один лишь черепок.

* * *

Как не признать мне, что вино — мой самый
верный друг,
Когда истерзана душа от горестей и мук?

К устройству мира присмотришься. — Все больше
изумлен,
Я не сумел постичь его и с помощью наук.

Не только солнца, мне одной пылинки не
познать. —
Как ум ни напрягай, ясна бесцельность тех потуг.

Прихода и ухода смысл кто знает на земле?
Неведомо, как я возник и где замкнется круг.

Ни знанья мне не помогли, ни постник, ни мулла
Не предложили в помощь мне, представь, своих
услуг.

«Чтоб затрудненья разрешить, придется звать
друзей, —
Сказал я, — мы обсудим все, есть для того
досуг!»

Не излечил болезнь мою при всем старанье врач.
Сам шейх, и тот бы не сумел мой исцелить недуг.

Не смею ни отвлечься я от тяжких мыслей тех,
Ни объяснить всего того, что вижу я вокруг.

Задача трудная легла на плечи мне, когда
Иссякло, муки не снеся, мое терпенье вдруг.

В смятенье, попросить вина вошел я в погребок.
Смотрю, а у меня в руке один лишь черепок.

САКИНАМЭ

ПОСЛАНИЯ КРАВЧЕМУ

* * *

О кравчий, кубок царственный подай,
Рубины-капли льются через край.

Рубинов россыпь скрыл в себе кувшин,
Но ярче всех единственный рубин.

Подковой раскаленную горя,
Ценней он, чем рубин в венце царя.

И огненным сияньем этот свет
Всех гурий превзошел, затмил весь свет.

Подобно солнцу, в чаше он горит,
То чаша, из которой пьет Джемшид.

Едва Джемшид на пышный пир пришел,
Как солнце, он поднялся на престол.

Все шахи — лишь привратники пред ним,
И разум наш — безумьем одержим.

Его приказа слушается хан,
Его веленью подчинен султан,

Его престол до неба достает,
Его войска — как звездный небосвод.

Несут ему, как цвет зари, вино,
Как плавленный рубин, горит оно.

Я сам, едва заговорю о нем,
Восторгом загораюсь, как огнем.

Вино пусть шах, как воду Хызра, пьет,
А мне пусть только гущу подает.

Когда нальют нам чаши до краев,
Хмельных сдержать я не сумею слов:

«Шах, славный словно глубь небесных недр,
Ты сердцем — море, ты, как туча, щедр.

Коварно небо, как хамелеон,
У чаши неба свой всегда закон.

Нет вечности для знатных, для царей,
Нет верности для счастья жизни всей.

Аллаху слава! Создан им ты, шах,
Всезнающим и опытным в делах.

Смотри: завоеватели земли,
Все шахи в землю черную легли.

Где Каюмере, Хушенг, скажите мне, где?
Где их венец и трон, скажи мне, где?

Джемшид и Феридун где, наконец?
Кто небом пощажен был, наконец?

Где Кениядов, Саманидов род,
Где Искандера, Ашканидов род?

Рустама нет, и Сама тоже нет,
Мертв Яздигерд, Бахрама тоже нет.

Где ханы, где их предок Чингиз-хан?
Где Угедэй, властительный каган?

Где хан Тимур, что мир завоевал?
Он с армией бессчетной прахом стал.

Нет ни детей его — твоих отцов,
Нет внуков — старших братьев-храбрецов.

Наука зла привычна небесам,
Они берут все, что дарили нам.

Чей трон они до солнца вознесли,
Тот скоро свергнут был, лежал в пыли.

Кому был налит наслажденья мед,
Сто кубков яда выпьет с медом тот.

Судьба сильней глупца и мудреца,
Мессия с Хызром спорят без конца.

Мысль выражение нашла в словах:
Никто не вечен — ни бедняк, ни шах.

Не забывай о боге ни на миг,
Другим не утешайся ни на миг.

С надеждой милости его дождись
И гнева постоянно не страшись.

Будь справедливым к людям и к стране,
Чтоб в счастье им жилось и в тишине.

Бог — это крепость, ты всемогущ с ним,
Пусть станет правда знаменем твоим.

Свой долг исполнив, весел будь всегда,
Пусть сердце знает, что пройдет беда.

И о веселье думать мы должны,
Богатства мира не на век даны.

Беспечности минут не отдавай,
Будь справедлив, веселья не теряй.

Предвидеть каждый миг, увы, нельзя,
Уносит время пыль — догнать нельзя.

Придет печаль — будь весел среди гостей,
В парчу одетый, с ними чашу пей.

Когда ты людям принесешь покой,
Всемиловитвым будет бог с тобой.

А если милостив, участлив ты,
То и за гробом будешь счастлив ты.

* * *

О кравчий, в чашу мне налей вино,
Кровавых слез моих красней оно.

Пускай пьянит нам сердце, как любовь,
Как прелесть жен воспламеняет кровь.

Рубин румийский так не тешит взгляд,
Как урдустанской чаши той гранат.

Дай выпить, чтобы мог я пьяным стать,
Сознанье, разум, мудрость потерять.

Я девам красоты вино подам,
Наследнику престола я подам.

Мы выпили, и каждый весел стал,
Печаль и горе тотчас растоптал.

Пусть шах уже не ведает невзгод,
Пусть он, куда захочется, идет,
Чтоб все задуманное воплощать,
Чтоб всех врагов отважно побеждать.

О кравчий, дай вина нам цвета роз,
Чтоб розовой струей оно лилось.

Душа назвала «лекарем» его
И «пищей духа» — наше естество.

С ним золотая чаша, как тюльпан,
Которым так гордится Хаваран.

Прекрасной розой будет пусть оно,
Когда царевич выпьет то вино.

И чаша пусть до страшного суда
Пред ним не иссякает никогда.

* * *

О кравчий, пусть вина течет струя,
Как жар огня и чистый лед ручья.

Пусть освежает душу, как Ковсар,
И обжигает, словно адский жар.

А выпив, я всегда шуметь готов,
Как странствующий плут и пустослов.

С тайн естества он смело снял покров,
Он пьет вино, свободный от грехов.

Он, всех опередив, достиг вершин,
Рустам, простой привратник, Зала сын.

О кравчий, чашу счастья за столом
Подай мне с чудодейственным вином.
И сразу вдохновленный кубком тем
Заговорит, хотя и был он нем.

Красноречивым делает вино,
С ним слову стать жемчужиной дано.

А выпил шах — и, счастьем вдохновлен,
В раздаче золота стал щедрым он.

Его желаниям преграды нет,
Счастливым будет он хоть на сто лет.

* * *

О кравчий, чаша девы хороша,
Путь сладостный находит в ней душа.

В той чистой чаше чисто и вино,
Как солнце в светлом ручейке оно.

Быть может, юный кипарис садов
Из этой чаши тоже пить готов.

Вино достойно пиршества царей
И девы-красоты, что всех нежней.

Наследника достойны, чьи слова
Во всем его подобье естества.

* * *

О кравчий, запах розы в чаше той,
Целит народа душу чистотой.

Она нас озаряет, горяча,
Как тьму ночную радости свеча.

От этой чаши сердце словно сад,
Глаза царевича мне свет струят.

И да подаст ему на много лет
Касым Анвар поддержку и совет.

Прекрасен он, светлы его дела,
Да будет жизнь его вовек светла!

* * *

О кравчий, чашу милости неси,
Я. одинокий, выпью — вновь неси!

О двух изгнанниках вдруг вспомнил я,
Что высланы в далекие края.

Вдали от родины и от родных,
От исполненья замыслов своих.

Как им живется там, в чужой стране?
Всегда ведь тяжело нам в чужой стране.

Звезде их счастья больше не сиять,
Им средь чужих людей теперь блуждать.

Приснится ли им шах когда-нибудь,
Иль то, что здесь в дому, когда-нибудь?

Чтоб их почтить, две чаши мне налей,
Чтоб мне не забывать моих друзей.

О, если бы о них подумал шах,
Они б вернулись жить в родных краях.

* * *

О кравчий, чашу дай при звоне струн,
Начни газель, что создал Феридун.

Вина в той чаше золотистый цвет,
И сладостней стихов на свете нет.

Создав напев, что тем стихам сродни,
Сложившему их чашу протяни.

Пусть в память двух две чаши выпьет он,
Свой разум погружая в смутный сон.

А гущу мне дай, чтобы взять я мог
Из тех двух чаш последний свой глоток.

* * *

О кравчий, в чашу, где весь мир сокрыт,
Налей вино, что радугой горит.

Джемшида чашу отразит вино.
Нет, Искандера зеркало оно.

Для тех, кто в горьких бедах занемог,
Живой водой покажется глоток.

Ты воды Хызра чашей зачерпни,
Пусть пьющему продлятся жизни дни.

Отцу и брату чистая струя
Пускай в раю даст радость бытия.

* * *

О кравчий, сок Кеннидской чаши лей,
Приблизь ее к ревнителям идей.

**Она таким сиянием полна,
Что в келье сердца, лишь войдет она,**

**В тех мыслях, для которых нем язык,
Всевышнего проступит яркий лик.**

**Где тот, подобный шаху, кто умом
Украсил пир в могуществе своем?**

**Почтительный в служении ему,
Так с просьбой обратиться к его уму:**

**«О солнце счастья, благородства цвет,
В садах владык цветенья лучше нет.**

**Твой до Адама царствовавший род
Величием потомков превзойдет.**

**Дух совершенства в помыслах твоих,
Ты и в поступках будь достоин их.**

**Копи достоинства в своей груди,
Но самохвальству доступ прегради.**

**Жемчужиною чистой создан ты,
Цени людей духовной чистоты.**

**И бог тебе поможет жизнь пройти,
Защитой будет на твоём пути.**

**Будь сдержан, сторонись несчастья вин,
Раз богом наречен ты был Мумин».**

*** * ***

**О кравчий, в чашу лей вино всегда,
Вино ведь — солнце, чаша же — звезда.**

Не тот Сухейль, что красит шелк пестро,
В цвет розы облакает серебро.

К Сухейли сердце бедное летит
И к другу сердце бедное летит.

Коль не найду его в пути своем,
Я чашу выпью с мыслями о нем.

Я глаз своих красой не озарю,
Но, думая о нем, так говорю:

«О, лучший из людей, два друга есть
В твоей душе: и знание и честь.

В таких глубинах жемчуг твой живет,
Что та вода «живой водой» слывет.

Подобного тебе нет существа,
Ты счастлив тем, что мысль твоя жива.

И небо, кем всегда ты был любим,
Тебя считает баловнем своим.

Ты был мне другом, ближе всех других,
Наперсников глубинных тайн моих.

Немало было бед в моей судьбе,
Но где ты, чтоб сказать о них тебе?

Нас разлучил с тобой жестокий рок,
Разлукою он сердце мне обжег.

Была и прежде боль моя тяжка,
Теперь удел мой — горе и тоска.

Будь счастлив, небесам воздав почет,
Свободен будь от жизненных невзгод.

Жизнь коротка, но что грустить о ней,
Будь счастлив и теченьем кратких дней.

В чьих строчках жемчуг рассыпью горит,
Тот каждой точкой чудеса творит.

Чья речь — сплетенье драгоценных слов,
Тот может оживить и мертвецов,

Иди за тем, что вечно впереди —
Хосров, Салман, Кемаль и Саади.

Хотя по воле неба их уж нет,
Один их заменяешь ты, поэт.

С кем ты на состязанье ни идешь,
Ты, душу взяв, свою ему даешь.

Кому бы стих ни прочитал ты свой,
Он радостно откликнется душой.

Будь радостным, живи — в конце концов
И горя не беги — в конце концов.

Кто б ни пришел для слова твоего,
Веселой речью оживи его».

* * *

О кравчий, сладость кто душе нальет?
Напильник волн пусть горе мне сотрет.

Придется выбравшему те пути
Неприглашенным к кравчему придти.

Свиданье я тогда устрою с ним,
Беседу словом я начну таким:

Певец, у стихотворца твоего
Волшебник — мысль, а буквы — колдовство.

В поэзии ты умный водолаз,
Стихи твои — то жемчуг, то алмаз.

Едва ты по листу провел пером,
Уже стихов собрался целый том.

Как будто Анвари иль Хакани
И Ферьяби иль сам Исфгани.

Живую воду слов ты отцедил
И душу ты живую в них вложил.

Стих восхваления почти угас
И был давно в забвении у нас,

Но все касыды в творчестве твоём,
Что из чернил ты выводил пером,

По сути это целый мир живой,
А буквы стали «вечной чернотой».

Тому, кто сыплет жемчуга с пера,
Тому забыть о скупости пора.

Чем меньше слов, тем совершенней стих,
И в том достоинство касыд твоих.

* * *

О кравчий, чашу-море дай мне пить,
Чтоб мне тем морем жажду утолить.

Когда я стану море выпивать,
Дай сотню мне жемчужин разбросать.

Жемчужинами капли упадут
Рубин иль жемчуг — все, как пламень, жгут.

Рубином, раскаленным, как звезда,
В сердца людей ударю я тогда.

Пускай повсюду скорбный стон стоит,
Мое пусть сердце бьется о гранит.

И, как безумный, крик я подниму,
Как пес бездомный, вой я подниму.

И вздох из сердца я издам такой,
Что солнце обернется пеленой.

Греха в том нет, что я ума лишен,
Подумай только, с кем я разлучен.

Где тот, кого и небо над землей
Не видит, путь свершая круговой.

Подобного ему среди людей
Напрасно я ищу до этих дней.

Быть может, с той поры, как мир в пути,
Уж нет возможности его найти.

Среди людей мудрейших он имам,
В мир истины вознес его ислам.

Ведь он из тех, кто, не жалея сил,
Поборником суфистской правды был.

В его груди сто тысяч есть миров,
А в сердце — трон ста тысяч мудрецов.

И всех его достоинств верный знак —
Блеск молний, что рождает каждый шаг.

Другой, идущий к лестнице крутой,
Ступеньки не достиг бы ни одной.

«Вершина знания» — скажет ум о нем,
А умник скажет: «Есть безумье в нем».

Наукою прославлен меж людьми,
Всегда суфистом мудрым был Джами.

Он — солнце, мне ж пылинкой только быть.
С землею солнце можно ли сравнить?

Стократно повышая свой предел,
С ним не сравнюсь я, как бы ни хотел.

В полете мысли он пера не гнал,
Мое он имя и не называл.

Но моему перу внушил слова
Такого же живого естества.

Он близостью к себе меня почтил,
Мне имя друга щедро подарил.

Но солнце каждый раз идет в закат,
А мне грустней без солнца во сто крат.

Казаться терпеливым должен я,
Но как разлука тягостна моя!

Быть может, чаша, данная тобой,
Мне возвратит утраченный покой.

* * *

О кравчий, дай вина небытия,
Чтоб видел я исход небытия.

И пьяным от вина небытия
Войду я в кабачок небытия.

Пойду к гулякам вместе с ними пить
И с пьяницами чашу осушить.

От чаши бренности бесстрашным став,
Я сам в лохмотьях перейму их нрав.

Хоть он всемогущ и душой высок,
Небытия он одолеть не мог.

Пусть тело было погруженным в прах,
Гореньем духа был он в небесах.

Соблазна собственного «я» лишен,
Безгрешен и суфист скромнейший он.

Там, в бренности, неведом он всегда,
От существа его нет и следа.

Мне внешне он наставник и отец,
Но в самом деле вещей он мудрец.

Я рабству этому безмерно рад,
Зовет меня он: сын, товарищ, брат.

От тягот всех, что шлет нам существо,
Я находил спасенье у него.

Он — помощь мне, когда я удручен,
Сомненье духа разрешает он.

Сейид прозваньем, по имени Хасан,
В том и другом он слава наших стран.

Ему и небо, где идет всегда,
С желаньем нашим, с мыслями вражда,

Дорогу указало в райский сад,
А я попал в разлуки сущий ад.

Печальным стал я, жизни свет исчез,
Рыдаю я под сводами небес.

Когда теряем мы таких людей,
Нам остается плач и гнет скорбей.

Мне трудно было б муки выносить,
Когда бы мне надеждою не жить.

Но как же быть, чтоб излечить недуг?
Одно вино теперь мой верный друг.

* * *

О кравчий, дай мне хоть один глоток,
Будь милосердным — я ведь одинок.

Дай чашу мне, печаль в душе храня,
Жалея одинокого меня.

Мне каждый миг о горестях грустить,
Об одиночестве мне слезы лить.

Немало в этом мире я ходил,
По миру беспредельному ходил.

Бывал средь тех, чья вера высока,
Бывал и среди пьяниц кабака,

Я видел беды множества людей,
Средь многих скопищ множество скорбей,

Могущество я, знатность, счастье знал,
Богатство и высокий сан я знал.

Все, что искали люди, я нашел,
Но от всего я отряхнул подол.

Все, что влечет нас, было на пути,
Лишь верности не мог нигде найти.

От тех, к кому был верностью согрет,
Лишь сто жестокостей имел в ответ,

Кому помог найти я правый путь,
Те в глаз стрелу стремились мне воткнуть.

А тот, пред кем я голову склонял,
Меня камнями тотчас осыпал.

Кому хвалу мой говорил язык,
Те на куски мой резали язык,

В чью честь хотел я слово написать,
Тот руку, как тростник, мне мог сломать.

Любил я — и жестокость я познал,
Нес душу — и несчастье я познал.

Нет, верности не сыщешь меж людей,
И это боль несет душе моей.

Наверно, так устроен этот свет,
Что доброты в сынах Адама нет.

Страдаю я, мне горечь не забыть.
Но как созданными такими быть?

Когда б свой ум я обманул, скорбя,
Я этим бы оклеветал себя.

Правдивых, честных в этом мире нет,
В долине, в городе, в пустыне нет.

Один лишь я иначе одарен,
Я не таков, кто верности лишен.

Но лучше мне тех слов не говорить,
Я сам налью вина и буду пить.

Кто ж чашу верности мне поднесет,
Не примешав к ней горя и забот?

Пить в ночь веселья буду без стыда,
Чтоб пьяным быть до страшного суда!

* * *

О кравчий, поднеси, как друг, вина,
Пусть будет чаша дружества полна.

Ведь память о друзьях, когда я пью,
Огонь льет в душу скорбную мою.

На красоту наброшенный покров —
Как солнце за грядою облаков.

Один из них был мудрый Муаммаи,
Он жил в пустыне, от людей вдали.

Другой, что музыкой влек души вдаль,
Со спутником своим — ходжа Кемаль.

Мир Садр единомышленник был мой,
И он в искусстве не кривил душой.

Мой друг Тенбель жил в чистоте души, —
И сам хорош, и речи хороши.

Еще один — Сабзарский был Алим,
Беседовать приятно было с ним.

По-разному дружили все со мной,
И все ушли, окончив путь земной.

Так буду пьян я памятью о них,
Что уж друзей не захочу иных.

* * *

О кравчий, я прошу тебя, полней
Мне чашу благодарности налей,

Чтоб утопил я жалобы в вине
И благодарность выразил вполне.

Язык, что жаловаться мог порой,
Не чужд и благодарности живой.

Хотя друзей я многих потерял,
Круг новых у меня не так уж мал.

Один из них таков, как Атаи,
Другой же, как дервиш, как Фанаи,

Один на небе знанья — солнца лик,
Другой же небом знанья быть привык.

Во всем тончайшим вкусом одарен,
Решителен и тверд душою он.

Есть Асафи, таких стихов творец,
Что Сулейман свой отдал бы венец.

Встречался я и с Бенаи, но он
В науках был не очень изощрен.

Еще был друг для горестного дня,
Любил порой он посещать меня.

Есть Мешхеди — от всех отличен он
И благородством духа одарен.

Есть Шафии, святилище ума,
Он заслужил прозвание «муамма».

Есть тот, кто к чаше истины приник,
Друг, верный спутник мой и проводник.

Катиб безумный; он, когда придет
Охота, отвлекает от забот.

Еще есть несколько; пускай их бог
Всегда оберегает от тревог.

Не говорю я нынче о других,
В «Собраниях» написано о них.

Одни среди пустынь небытия,
Другие живы — этим счастлив я.

Мне небо есть за что благодарить,
Из благодарности я стану пить.

Разлука или близость — все равно
Я осушу до дна свое вино.

К Ы Т Ъ А

* * *

Кто хочет бога лишь умом постичь,
Тот славен в людях мудростью степенной.

Но не измерить моря глубину,
Наполнив кубок лишь прибрежной пеной.

* * *

Не упрекай подвижника достатком:
Его стезе от благ обуз не будет.

Не говори, что мачту в груз воткнули:
Помехой кораблю тот груз не будет!

* * *

Старайся этот мир покинуть так,
Чтоб без долгов расчесться с пережитым.

Из мира, не закончив дел, уйти —
Не то же ль, что из бани — недомытым?

Пусть слух твой сбережет бесценный жемчуг слов:
Что раковины-уши без жемчужин?

Но перлы слов своих всегда держи в себе:
Ларец без дивных перлов разве нужен?

Жемчужницы, ларец богатством наполняй:
С бесценными дарами будешь дружен!

Коль истины венец над головою,
Не страшен путнику каменьев рока град.

От века наделен удам короной,
Но капли дождика ее не сокрушат!

* * *

Сад роз твоей души не раскрывай для злого,
И войлочный ковер не украшай цветком.

Навозному жуку вовек не пахнуть розой,
А мышь летучая не станет мотыльком.

* * *

Коль у тебя есть давний враг, страшись его
коварства,
Пусть речь его порой журчит, ласкающе звеня.

Вода всегда в вражде с огнем, и так пребудет
вечно:
Журчащий ток живой воды — погибель для огня.

* * *

Щедр только тот, кто в трудную минуту
Последний хлеб с другим делить привык,

Кто нищего пригреет и укроет,
Хоть дом его размером невелик.

Ведь нет людей, подобных небосводу,
Чтоб солнце в дар принести в единый миг!

* * *

Невежда в страхе жизнь провел:
Боялся он учиться слову.

И в результате, как осел,
Влачил свой век от рева к реву.

Кто сокрушил в себе прибежище гордыни,
Богатства вечности даны тому отныне.

А если гордость та во мне нашла обитель,
Найдется ль для богатств другой хранитель?

* * *

Со мной в походе два коня,
Но пеший я ходок:

Как кони в шахматах, они
Поднять не могут ног.

Как в шахматах, за край полей
Им не дано дорог.

Конь черный подо мной — земля,
А белый конь — песок.

* * *

Когда писец в своем искусстве слаб,
Отнять перо, стыдя пред всеми, надо.

Чернилами залить ему лицо
И, как перо, раздвоить темя надо.

Его письмен узлы пораспустить
И гнать, связав узлами теми, надо!

* * *

Недаром сравнивали шаха с безбрежным морем
Народу в равной мере много от власти пользы
и мудрецы:
и вреда.

Добытчик в море сто жемчужин за час, случается,
найдет,
А иногда в акулей пасти сто мук ему сулит беда.

* * *

Когда слуга с пути собьется, хозяин вдвое виноват:
Послушным быть — удел подвластных, а умный
шах — наставник слуг.

Ведь так же под седлом скотина: с дороги тотчас же
сойдет,
Когда седок на миг задремлет и повод выпустит
из рук.

И под рукою властелина толпа придворных
— словно скот:
Едва ослабишь крепкий повод — и процветает зло
вокруг.

* * *

Ни к золоту, ни к серебру руками не тянись:
Подержишь их — все руки будут в черном.

Но и в душе своей любви к ним не храни:
Испачкаешь пристрастием позорным!

* * *

Неправедных мужчин в сто тысяч раз прекрасней
Достойных женщин лишь единый след.

Вот Лота сыновья — ведь их дела постыдны,
К единой вере в них усердия нет.

Но чистою стезей зажгла ведь дочь пророка
Над временами негасимый свет!

* * *

На шею мне повешен талисман
Не для того, чтоб хворости спугнуть.

Нет! Мне связали шею небеса,
Чтоб с каждым шагом камень бился в грудь!

* * *

Я, жар души в стихи вдохнув, мечтал,
Чтоб мысль мою тем жаром зажигало.

И потушить огонь, что жег мне мысль,
Живой воды, наверно, было б мало.

О если бы горение души
Всегда огонь свой мысли отдавало!

* * *

В диване шах печать мне поручил —
В готовые дела клеймо вклепывать.

То означало: гордость заглуши
И ниже всех других в диване сядь.

Но гордость я никак сломить не мог,
И вышло так, что я сломал печать.

Когда я от людей в мой грустный дом укроюсь,
Ложится на меня печалей пыльный пласт.

Едва — стряхнуть его — я выйду из лачуги,
Как злобою людской сто бед меня обдаст.

* * *

Бывает так, что странный в ином сидит задор:
Он по любой причине с людьми вступает в спор.

Такому не перечьте: ни зернышка не даст,
Когда хоть слово скажут ему наперекор.

А сам тотчас же с ложкой у каждого котла!
Ах, кто б, с котла сняв сажу, ему б лицо натер!

* * *

Дарует серебро из тысячи один,
Удел других таков: они себе берут.

— 104 —

Такой обычай есть, уж так заведено:
Ведь брать всегда легко, давать — нелегкий труд.

* * *

Не разделяйте трапезу с тираном —
Прилично ли лизать собачье блюдо?

Не доверяйте тайн своих невеждам —
Беседовать с ослом ведь тоже худо!

* * *

Учтивость привлекательна вдвойне,
Когда ее в привычку взял богатый.

Раскаянье ценней во много раз,
Коль кается вельможа виноватый.

Нет щедрости прекраснее такой,
Когда не ждут, чтоб лесть была оплатой.

А мудрый тех достойными зовет,
В ком свойства те — в привычке, твердо взятой.

* * *

Когда корысть звучит в словах, не верь
Ни лести женщины, ни проискам мужчины.

И в собеседнике цени не сан, а речь:
Неважно кто сказал, важны причины.

* * *

Правдивым будь: сто, тысяча вопросов
Лишь в истине одной ответ найдут.

Сто букв писец одним каламом пишет,
На тысячу овец — один лишь кнут.

* * *

Все смертны на земле, зачем же в жизни муки,
И что для смертных мук страданий всех тщета?

Коль для рожденного кончина неизбежна
И злу нельзя не быть, — ничтожна суета!

* * *

Скажу тебе: средь выроdkов земных
В особенности три породы гадки —

Безмозглый шах, скупой богач,
Ученый муж, на деньги падкий.

* * *

Прекрасных женщин светлой чистотой
Блестит над миром солнце на восходе.

Здесь дива нет: в арабском языке
Название для солнца — в женском роде!

* * *

Ты благороден, ты — мудрец-подвижник,
В умах людей ты будишь мятежи.

— 106 —

Ты бесподобен! В паре полустипший
Я о тебе сказал четыре лжи.

* * *

От любопытных тайну береги:
Не возвратишь, коль слово с уст слетело.

Ведь вздох последний тоже не вернешь,
Когда уйдет дыхание из тела.

* * *

Вот он не внемлет слову мудреца,
А что ему от этого неладно?

Ведь если трудно ценности собирать,
Не раздавать — и вовсе не накладно!

* * *

Коль низкий — подл, то странно ль, если он
Кичлив и чванен, выбившись в вельможи?

Здесь чуда нет: от власти словно пьян,
Он, все забыв, себя не помнит тоже.

* * *

Не близкий свет огня, а дальний дым жилья
Холодной ночью — поводырь скитанья.

Вот так затворники, презрев соблазн вина,
Находят радость в воздержанье.

* * *

Напыщенный болван, от визга распалась,
Поднять способен чернь во имя злого дела.

Когда петух зовет, копая клювом грязь,
Такого нет дерьма, чтоб курица не съела!

* * *

За темнотой придет сиянье света
Ты в это верь и будь неколебим.

Все в мире так: есть пламень и горенье,
Над пламенем всегда завесой — дым.

* * *

Венец приносит много неудобства:
Ведь ум слабеет, сжат со всех сторон.

Поменьше бы венцов над головами,
Не исключая царственных корон!

* * *

Коль ценностей души в себе не уберег
И, вверив языку, рассыпал их по свету,

Как друга ни проси, чтоб он не разболтал, —
Большой ли в том секрет иль тайны вовсе нету, —

Не странно, если тот рассыпал ценный дар:
Он просто раздавил ходячую монету!

* * *

Я людям говорил, что родичей корю
За бесталанность их, — что ж странного в том деле?

Но родичи бросали странный мне упрек!
Мол, я не все давал, чего они хотели!

* * *

О Навои, не дай взойти корысти зернам,
Не сдобри их слезой в стенании притворном,
Для прихотей надел не отводи пространный
И по ветру развей запасы спеси чванной.

* * *

Я столько нагрешил, что в преисподней
Мои грехи весь ад заполонят.

Не легче ли простить меня, всевышний,
Чем новый для других готовить ад?

* * *

Поскольку бог еще при сотвореньи
Своим рабам предначертал пути,

Не выправишь и малую описку,
Хотя она могла произойти.

Но кто привык просить у бога больше,
В том дури — тьма, ума же — нет почти.

— 109 —

Блажен, кто рад велениям господним:
Он спор в труде и у людей в чести.

А кто строптив, тот в алчности несчастлив
И может всем лишь горе принести.

* * *

Отрешенность от всех — это праздничный мир,
Навои!
Хочешь солнце постичь — не лови его призрачный
блик.

Разве тот одинок, кто лишь спутника в мире
лишен?
Кто от всех отрешен, только тот единенье постиг.

* * *

Коль за иным идет такая слава,
Что только зло и злобу в нем найдешь,
Добра не жди — не сделал бы плохого,
Не сделал зла — уже и тем хорош!

* * *

Я столько видел горя от друзей
И столько бед и мук омыл слезами,
Что в смертный час уж лучше умереть,
Чем уцелеть и снова быть с друзьями!

* * *

Среди искусств такое есть искусство:
Оплошность скрыть, коль оплошал твой друг,

И похвалить при всех его заслуги,
А нет их — скрыть отсутствие заслуг.

* * *

Моих стихов затейливы страницы,
Слова в них — странники причудливой страны.

Мой каждый стих — приют для многих смыслов, —
Странноприимный дом, и кельи в нем полны!

Заводишь речь, так не тяни мочало:
Напутаешь — и странный будет вид.

Когда паук накрутит паутину,
Он сам на ней, как пойманный, висит.

* * *

Прекрасен дом, в котором есть жена —
Твой добрый друг, красивая подруга.

Но в доме нет добра и красоты,
Когда в нем нет жены, хозяйки, друга.

* * *

Два пса борзых охотились на льва.
По силе нет, как будто, в них различий.

Но пес один, принюхиваясь, ждет,
Другой бежит, не дожидаясь ключей.

Растерзан пес. Смертельно ранен лев —
Другому псу он легкой стал добычей.

— 111 —

* * *

В дни юности святую чистоту
Я променял на мерзости порока.

Прошли года, и старость подошла,
И за грехи наказан я жестоко.

И если я поклоны буду бить,
Хоть лоб разбей — не будет в этом прока.

Наказан я, а как — то знает бог,
И каяться — мне ни к чему морока.

РУБАИ

* * *

То море плещет, ценный дар скрывая,
В нем капли все — как бы вода живая.
Его равняют с царственной казной,
«Сокровищницей мыслей» называя.

* * *

За то письмо я жизнь отдать бы смог:
Когда проник я в смысл желанных строк,
Я в море слез, затрепетав, поплыл,
Как будто в воду брошенный листок.

* * *

Когда тебя народ виной корит,
Ты на людей не затаи обид:
Укор правдив — исправиться не стыд,
А лживая хула не уязвит.

* * *

О ветер! Полетишь за милою моей —
Ты душу отнеси и сердце прямо к ней.
Дай сердце псу ее — пусть сгложет поскорей,
А душу на пути у ног ее развей!

* * *

Укрывшийся в горах от мира человек
В пещере в зимний день найдет себе ночлег.
Ему прохладу в зной дарует горный снег,
А власть тщеты мирской ему чужда навек.

* * *

Сильней души моей тебя люблю я, жизнь,
Сильней любви своей тебя люблю я, жизнь.
Бывает ведь любовь, сильней которой нету,
И все ж еще сильней тебя люблю я, жизнь!

* * *

Годами шейха речь текла, пресна, мутна, —
Ни сердца, ни ума не тронула она.
Но продавец вина мне душу взволновал:
Всего один глоток — и песня рождена!

* * *

Уходишь ты — но сердце мне мое оставь хотя бы,
Меня от пламени бездушия избавь хотя бы.
Или кинжалом разреши мне сердце, взяв хотя бы
Все остальное. Уходи, мне часть отдав хотя бы.

* * *

Бывает: тайны мира открывает человек,
Загадки судеб разрешает человек.
А иногда — влюблен, стонет человек.
И мир позором покрывает человек.

* * *

Ты хочешь уйти — так излишни рыдания, —
Зачем наноси себе лишние раны я?
Не знаю: забуду ль разлуку, как ранее,
А, может, сулит она новые раны мне?

* * *

Души моей ты жажду утоли, о виночерпий,
Вино, не мешкая, мне поднеси, о виночерпий.
Сначала ты себя утешь, о виночерпий,
Потом мне душу облегчи, о виночерпий.

* * *

Когда наступит час последний мой, о виночерпий,
Наполни чашу влагой мне хмельной, о виночерпий,
Чтоб опьянев, в день страшного суда, о виночерпий,
Не ощутил бы мук, начертанных судьбой,
о виночерпий.

* * *

Рубины губ ее — огонь, они мне душу жгут.
Как лук, мой стан, лишь потяни за тетиву, за жгут.
Я клятвам верить был бы рад, но искренни ль они
И светоч верности в тебе зажгут иль не зажгут?

* * *

Нет, ты не роза, я правдив в сравнении этом
смелом:
По бледности твое лицо соперничает с мелом!
Затворница! Румянец щек тому лишь дан
в награду,
Кто не гнушается вином и в страсти будет смелым.

* * *

Кинжал разлуки в эту ночь затеял пир и справил,
Но рок, мне печень истерзав, недуг мой
не исправил.
Тогда он в Тун меня послал и пыткой мучил в Туне,
Как нужно мучить — не забыв ни одного из правил.

* * *

Пока любимая в Сари, грустить не перестану.
Когда ж сравнения искать для милой пери стану,
Я в сад пойду, в цветеньи роз увижу лик
прекрасный,
А рядом — стройный кипарис, ее подобный стану.

* * *

Бальзам для ран я не нашел, страницы книг
листая.
Что тело мне терзает в кровь — не хищных птиц
ли стая?
Огонь любви мне душу жег, и в горькой той
пустыне
Не отыскал ни одного целебного листа я.

* * *

Жестокый град коварных стрел мне душу
поражал,
И в сердце две из них впились, как острых пара
жал.
Алмазы горьких слез моих пролив к твоим стопам,
Я взоры россыпью камней бесценных поражал.

* * *

Мой взор состарила слеза, в страданиях пролитая,
Но ты, как прежде, — лишь мечта, что дразнит,
пролетая.
Один — в тоске я смерти жду, но если ты со мною,
Мой, как у Хызра, долгод век, — что ж вспомнил
про лета я?

* * *

Чтоб ей сказать. «Не уходи», уста я растворил.
Но замер зов мой на устах и льда не растворил.
Ее капризам нет числа, упорству — нет границ.
Мир удивлен: такое зло каприз хоть раз творил?

КОММЕНТАРИИ

Алиф — первая буква арабского алфавита.

Атаи — известный узбекский поэт XV века.

Бахрам — популярный персонаж героических и романтических произведений.

Газель (газаль) — лирическое стихотворение, главным образом, любовного содержания, написанное бейтами (двустихиями), связанными одной рифмой.

Джемшид (Джем) — легендарный царь древнего иранского эпоса, обладавший чашей, в которой отражался весь мир.

Джан — нежное обращение, означающее по-персидски «жизнь», «душа».

Джами — таджикско-персидский поэт и философ (1414—1492).

Искандер (Искендер) — Александр Македонский (356—322 гг. до н.э.)

Каландар — нищенствующий монах.

Кытъя — форма лирической поэзии. В отличие от газели, в кытъя отсутствует первое спаренное двустихие. В таких стихах поэт обычно описывал события, выражал затаенные мысли, жаловался на судьбу и т. д.

Ковсер — (Кавсер) — по легенде — источник в раю.

- Лейли и Меджнун — классическая влюбленная пара, чья любовь окончилась трагедией. Этим героям посвящены поэмы Низами, Навои, Физули.
- Михраб — сводчатая ниша в мечети, указывающая направление к Мекке.
- Мухаммас — форма восточной поэзии. Каждая строфа состоит из пяти строк.
- Пери — волшебница, фея.
- Рубай — форма лирической восточной поэзии, четверостишие, в котором рифмуют первую, вторую и четвертую строки.
- Рустам — легендарный богатырь, чьи подвиги описаны в «Шах-намэ» Фирдоуси.
- Саади — выдающийся таджикско-персидский поэт XIII века.
- Сам — легендарный герой, дед Рустама.
- Сакинамэ — форма восточной поэзии, посвящение виночерпию, кравчему. (Саки — виночерпий).
- Сухейль — звезда первой величины (альфа) в созвездии Киля. Считалась счастливой звездой. Имя мудреца Сухейль («счастливый»).
- Суфизм — мистическая философия в исламе, возникла в IX веке.
- Тарджибанд — форма восточной поэзии. Каждая строфа состоит из бейтов (двустихий). В конце строфы повторяется один бейт, который и по смыслу должен быть связан с ней.
- Туюг — четверостишие, построенное на игре слов. Омонимы используются в качестве рифмы.
- Фархад и Ширин — герои популярных поэм Низами, Амир Хосрова и Навои.
- Феридун (Фаридун) — имя мифического царя.
- Хакани — известный таджикско-персидский поэт (1121—1199).

Хосров — прозвание некоторых иранских царей из династии Сасанидов.

Хызр — чудотворец, хранитель живой воды.

Хушенг (Хушанг) — мифический царь древнего Ирана.

Шейх — глава мусульманской религиозной общины, секты, школы; старшина племени.

СОДЕРЖАНИЕ

ГАЗЕЛИ

О, как пылает грудь моя... Перевел П. Антокольский	3
Ко мне нагрянула извне беда... Перевел Б. Пастернак	3
Соловей, лишенный розы... Перевел Н. Ушаков	4
Она груба в сандалях... Перевел С. Липкин	5
Прочь от ее очей!.. Перевела В. Звягинцева	5
В мой дом, разгорячась, вбежала... Перевела В. Звягинцева	6
О, если б красоты твоей... Перевел Л. Пеньковский	7
Пока озаряла ты сны мои... Перевел Л. Пеньковский	8
Да сгорит мое сердце... Перевел Л. Пеньковский	9
Без любимой покоя в сердце... Перевел Л. Пеньковский	10
Возлюбленной мир не ведал... Перевел В. Рождественский	11
Словно роза этот алый... Перевел В. Рождественский	12

Эти губы — точно розы... Перевел В. Рождественский	12
Черны, как ночь, твои косы... Перевел В. Рождественский	13
Будь со мной!.. Перевел В. Рождественский	14
Ветерок! Моей любимой... Перевел В. Рождественский	15
Почему на лик прекрасный... Перевел В. Рождественский	16
Вчера я с луноликой был... Перевел С. Иванов	16
Умолк перед твоей красою... Перевел С. Иванов	17
У любимой над крышей... Перевел С. Иванов	18
Моя безумная душа... Перевел С. Иванов	19
Зачем мне розы... Перевел С. Иванов	20
Она ушла, покинув пир... Перевел С. Иванов	20
В разлуке непроглядна ночь... Перевел С. Иванов	21
Ты ношей горестей мой стан... Перевел С. Иванов	22
В пустыне горьких мук любви... Перевел С. Иванов	23
В огне измен душа... Перевел С. Иванов	24
Не слезы это — сердца кровь... Перевел С. Иванов	25
О, не врачуйте сердце мне... Перевел С. Иванов	26
Любимой сердце я отдал... Перевел С. Иванов	27
Безумство и любовь... Перевел С. Иванов	28

Я луноликой бы не смог... Перевел С. Иванов	29
Отрекся я от уз любви... Перевел С. Иванов	30
Секрет влюбленности — у тех... Перевел С. Иванов	32
Забить решила ты меня... Перевел С. Иванов	33
О баловни блаженных нег... Перевел С. Иванов	33
Сверкнула в темноте ночной... Перевел С. Иванов	34
В печальном сердце от любви... Перевел С. Иванов	35
Кто возносил от мук измен... Перевел С. Иванов	36
Меня повергла в ночь... Перевел С. Иванов	37
Что жизнь мне?.. Перевел С. Иванов	38
Она к чужим с любовью льнет... Перевел С. Иванов	39
Что за коварство и краса... Перевел С. Иванов	39
Гнетешь ли, верность ли сулишь... Перевел С. Иванов	40
Друзья, мой стройный кипарис... Перевел С. Иванов	41
Ах, от печали умер я... Перевел С. Иванов	42
Украшишь ты свой наряд... Перевел С. Иванов	43
Когда я сердцем и душой... Перевел С. Иванов	44
Я странником пустился в путь... Перевел С. Иванов	45
Адским пламенем разлуки... Перевел С. Иванов	46

Когда, тоскуя по тебе... Перевел С. Иванов	46
Я твой платок держал... Перевел С. Иванов	47
Твердят любимой обо мне... Перевел С. Иванов	48
Зачем луна моя от клятв... Перевел С. Иванов	49
Ты, сердце,— жалкий сумасброд... Перевел С. Иванов	50
Жар ревности жжет... Перевел С. Иванов	51
Светом ночи взойдет... Перевел С. Иванов	52
О кравчий, в мире много ль мук... Перевел С. Иванов	52

МУХАММАСЫ

Кто твои увидел кудри... Перевел Н. Лебедев	54
Где тополь мой?.. Перевел Н. Лебедев	55
Позабыт моим кипарисом... Перевел С. Иванов	57
О, не была б твоя краса такой... Перевел С. Иванов	59
Ах, любимую покинут я... Перевел С. Иванов	62
О, сколько дней ты не со мной... Перевел С. Иванов	64
Лик явив, столикой мукой... Перевел С. Иванов	66

ТАРДЖИБАНДЫ

О, почему с тобой я не дружу... Перевел Л. Пеньковский	69
--	----

О кравчий, утром принеси... Перевела А. Спендиарова	70
О чаще радостную весть... Перевела А. Спен- диарова	70
Глоток осадка в черепке... Перевела А. Спен- диарова	71
Хотел бы в этом мире... Перевела А. Спен- диарова	72
В ту пору постоянно был... Перевела А. Спендиарова	73
Где схожий с розою лицом... Перевела А. Спендиарова	74
В угаре винном сам не свой... Перевела А. Спендиарова	75
Опять из гордости тяну... Перевела А. Спен- диарова	76
Как не признать мне... Перевела А. Спен- диарова	77

САКИНАМЭ

Послания кравчему. Перевел В. Рож-
дественский

О кравчий, кубок царственный подай... . . .	79
О кравчий, в чашу мне налей вино... . . .	82
О кравчий, пусть вина течет струя... . . .	83
О кравчий, чаша девы хороша...	84
О кравчий, запах розы в чаше той... . . .	84
О кравчий, чашу милости неси...	85
О кравчий, чашу дай при звоне струн... . . .	86
О кравчий, в чашу, где весь мир сокрыт... . .	86
О кравчий, сок Кеннидской чаши лей... . . .	86
О кравчий, в чашу лей вино всегда... . . .	87
О кравчий, сладость кто душе нальет?.. . . .	89

О кравчий, чашу-море дай мне пить...	90
О кравчий, дай вина небытия	92
О кравчий, дай мне хоть один глоток...	94
О кравчий, поднеси, как друг, вина...	96
О кравчий, я прошу тебя, полней...	97

КИТЪА

Перевел С. Иванов.

Кто хочет бога лишь умом постичь...	99
Не упрекай подвижника достатком...	99
Старайся этот мир покинуть так...	99
Сад роз твоей души...	100
Коль у тебя есть давний враг...	100
Щедр только тот...	101
Невежда в страхе жизнь провел...	101
Со мной в походе два коня...	101
Когда писец в своем искусстве слаб...	102
Недаром сравнивали шаха...	102
Когда слуга с пути собьется...	102
Ни к злату, ни к серебру руками не тянись...	103
Неправедных мужчин...	103
На шею мне повешен талисман...	103
Я, жар души в стихи вдохнув...	103
В диване шах печать мне поручил...	104
Бывает так, что странный в ином сидит за- дор...	104
Дарует серебро из тысячи один...	104
Не разделяйте трапезу с тираном...	105
Учтивость привлекательна вдвойне...	105

Когда корысть звучит в словах...	105
И правдивым будь...	106
Все смертны на земле...	106
Скажу тебе...	106
Прекрасных женщин светлой чистотой...	106
Ты благороден...	106
От любопытных тайну береги...	107
Вот он не внемлет слову мудреца...	107
Коль низкий — подл...	107
Не близкий свет огня...	107
Напыщенный болван...	108
За темнотой придет сиянье света...	108
Венец приносит много неудобства...	108
Коль ценностей души в себе не уберег...	108
Я людям говорил...	109
О Навои, не дай взойти корысти...	109
Я столько нагрешил...	109
Поскольку бог...	109
Отрешенность от всех...	110
Коль за иным идет такая слава...	110
Я столько видел...	110
Среди искусств такое есть...	110
Моих стихов затейливы страницы...	111
Прекрасен дом...	111
Два пса борзых охотились на льва...	111
В дни юности святую чистоту...	112

РУБАИ

- То море плещет... Перевел С. Иванов . 113
- За то письмо... Перевел С. Иванов . . 113
- Когда тебя народ... Перевел С. Иванов . 113
- Когда я гнал вином печаль... Перевел С. Иванов 114
- Огнями ада не пугай... Перевел Н. Лебедев 114
- Когда, порвав с людьми... Перевел С. Иванов 114
- Здесь розы нет... Перевел С. Иванов . 114
- О ветер! Полетишь за милюю... Перевел С. Иванов 115
- Укрывшийся в горах от мира... Перевел С. Иванов 115
- Сильней души моей тебя люблю... Перевел С. Иванов 115
- Годами шейха речь текла... Перевел Л. Пеньковский 115
- Сто тягот сердцу... Перевел С. Иванов . 116
- Отшельник!.. Перевел Н. Лебедев . . 116
- О алчный ворон... Перевел С. Иванов . 116
- О ветерок, когда ты нежно веять... Перевел С. Иванов 116
- Уходишь ты... Перевел С. Иванов . . 117
- Бывает: тайны мира открывает человек... Перевел С. Иванов 117
- Ты хочешь уйти... Перевел С. Иванов . 117
- Души моей ты жажду утоли... Перевел С. Иванов 117
- Когда наступит час... Перевел С. Иванов 118

ТУЮГИ

Перевел С. И в а н о в

То губ нектар...	119
Стрела обиды в грудь впилась...	119
Дугою бровь...	119
Рубины губ ее...	120
Нет, ты не роза...	120
Кинжал разлуки в эту ночь...	120
Пока любимая в Сарн...	120
Бальзам для ран я не нашел...	121
Жестокый град...	121
Мой взор состарила слеза	121
Чтоб ей сказать...	121
Комментарии	122

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА ВОСТОКА

АЛИШЕР НАВОИ

Избранная лирика

На обложке — из миниатюр современных иранских художников, в цветных вкладках — миниатюры, созданные к старинным рукописям Навои.

Портрет поэта работы народного художника Узбекской ССР Абдулхака Абдуллаева.

Издательство ЦК КП Узбекистана
Ташкент — 1978

Техредактор Г. Ломиворотова.
Корректор Л. Шустяк.

Сдано в набор 14/III-1977 г. Подписано в печать
19/I-1978 г. Формат $70 \times 90 \frac{1}{32}$. Усл. печ. л. 4,97 +
+7 вкл. Уч.-изд. л. 4,03. Тираж 100000.

Заказ № 565. Изд. № 185.

Цена на мелованной бумаге — 90 коп.,
на типографской бумаге — 80 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени типография
Издательства ЦК КП Узбекистана,
Ташкент, ул. «Правды Востока», 26.

علی شیروانی شاعر و نوجو پرور بزرگ از بک علی شیروانی

۱۵۰۱ - ۱۴۴۱ / از خود میراث ادبی پر از ارزشی بجای نهاده است

که از انجمله اندکتاب مشهور «حکمت» و «سج دیوان» در این مجموعہ

اشعار غنائی دیوانہای شاعر گنجانیدہ شدہ است .

تدوین کنندہ - دازندہ حامدہ فردو فرسور شاہ اسلام شاہ محمد

مترجمان - پاول استونکلسکی ، پورس پاسترناک ، ناف

پیکوفسکی ، سیرا یوانف ، سیمیون لیکنین و دیگران .

رداکتور - پورس مر مورین

تاشکند - ۱۹۷۷